

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Цена любви

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Цена любви / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Возвращение Турецкого)

После встречи бывших выпускников-одноклассников, одним из которых был зам генерального прокурора Москвы Меркулов, гибнет их общий товарищ. Подозрение падает на одного из друзей. Меркулов упрощает Турецкого, уволенного по контузии из Генпрокуратуры, расследовать это дело в частном порядке. А Александр Борисович с коллегами из агентства «Глория» в это время выясняет, почему гибнут в случайных автоавариях богатые пациенты частной клиники?..

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	6
2	13
3	20
4	25
5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Фридрих Незнанский

Цена любви

В романах серии использованы мотивы телевизионного сериала «Возвращение Турецкого» (производство ООО «Студия АРТ-Базар», 2007 год)

В основе книги подлинны материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

1

День выдался холодным и пасмурным. Из тех, которые не самым лучшим образом влияют не только на тело, но и на душу, особенно если у тебя и без насупленного, сочащегося моросью неба есть основания для паршивого настроения.

У Александра Борисовича Турецкого, бывшего помощника генерального прокурора России, ныне пребывающего в отставке по состоянию здоровья и принятого на службу в агентство «Глория», эти основания были. Во всяком случае, так полагал он сам, когда серым августовским утром усаживался за руль синего «пежо», с тем чтобы отправиться на свою новую работу... Да, для него – все еще новую. Александр Борисович, когда отсутствовал исполняющий обязанности директора ЧОПа Всеволод Михайлович Голованов, обычно садился в кабине погибшего Грязнова-младшего, и время от времени ему казалось, что вот сейчас дверь кабинета распахнется и войдет Дениска... Как всегда, с улыбкой или коротким смешком, бросив на ходу свое традиционное: «Привет, дядь Сань!»

И вслед за этим наваливалась острая мысль: не войдет. Нет больше на свете Дениса, принявшего на себя всю смертоносную силу взрыва в детдоме в Мневниках и тем самым спасшего жизнь ему, Сане Турецкому. Как нет рядом и самого близкого друга Грязнова-старшего, Славки... Не сумел смириться генерал с гибелью своего племянника, единственного родного ему человека. Именно себя счел виновным в его гибели, не смог избавиться от мысли, что и Дениску и Саню уговорил отправиться в Мневники с подарками для сирот именно он, а оказалось – прямоком на роковую встречу с террористкой.

Вячеслав Иванович подал в отставку, покинув пост заместителя главы Первого департамента МВД, и уехал из Москвы в далекую сибирскую тайгу. Турецкий так до сих пор и не разобрался: то ли зверюшек охранять на пару с приятелем юности в какой-то зверосовхоз, то ли просто егерем в лесничество...

Да и какое это имело значение? Значение имело лишь то, что сейчас их со Славкой разделяли тысячи и тысячи километров, преодолеть которые если и удастся, то нескоро. А ведь именно сегодня, будь все по-старому, Александр Борисович, скорее всего, прежде чем отправиться на работу, заехал бы к старому другу, с которым, едва ли не единственным, мог позволить себе не просто расслабиться, но и поделиться, если было невмозмуту, своими душевными муками.

Конечно, был еще и Костя Меркулов. Но Константин Дмитриевич по-прежнему находился на своем посту заместителя генпрокурора по следственной работе. И ехать к нему означало очутиться во все еще родных стенах прокуратуры, а значит, беречь еще одну рану, связанную уже с его собственной отставкой. Имелась и сугубо личная причина, по которой он не мог, как в прежние времена, делиться с ним своими бедами.

Турецкий невольно вздохнул и, бросив взгляд на подъезд, из которого только что вышел, нехотя повернул в замке ключ зажигания. «Пежо» отозвался ровным мурлыканьем с полуборота, и, еще немного посидев за рулем неподвижно, Александр наконец тронул машину с места. Его мысли переключились на ту самую душевную боль, которую после отъезда Славы Грязнова разделить было не с кем. Потому что причиной являлась его собственная жена.

Позавчера, после того как они проводили в Лондон дочь, которая училась уже второй год в английском колледже, первое, что сделала Ирина Генриховна, – на всех парах умчалась к Плетневым... А он так надеялся, что общение с их Ниной отвлечет наконец Иринку от чужого ребенка, чужих проблем!

Не отвлекло. Случались моменты, когда Александр Борисович почти жалел о том, что вытащил Антона Плетнева из беспробудного пьянства, вытащил в интересах следствия и не ошибся: бывший спецназовец им действительно помог. А дальше?... И дальше помогли они

ему: вернули Плетнева в ряды нормальных людей, устроив оперативником в «Глорию», но самое главное – вернули ему восьмилетнего сына Ваську, отправленного властями в детдом в тот страшный момент, когда сам Антон оказался в психушке за убийство: бывший спецназовец отыскал и буквально растерзал насильников и убийц его горячо любимой жены Инны, матери Васьки.

Казалось бы, им можно было начинать жизнь сначала – сын и отец обрели друг друга. Увы, столь гладко все складывается разве что в женских романах да, пожалуй, еще в мыльных операх. И то потому, что занавес опускается в момент, когда очередная Золушка празднует свадьбу со своим принцем. А за занавес пока что ни одному зрителю заглянуть и в голову не пришло...

Что касается Плетневых, то проблемы у них начались сразу, не успели отгреметь победные фанфары. Не складывались отношения между Плетневым и ребенком, едва помнившим отца и выросшим, по сути дела, в детдоме, успевшим усвоить все жестокие правила, по которым живет на самом деле детский коллектив. А сам Антон оказался отнюдь не «Макаренкой»... Но почему именно Ирина должна теперь играть роль буфера?! Этого Турецкий понять и принять не мог...

Конечно, ее горячее (слишком горячее!) участие в делах семьи Плетневых можно объяснить тем, что Ирина Генриховна только что потеряла ребенка: выкидыш случился, едва она узнала о взрыве во Мневниках... То есть фактически из-за него же, из-за неугомонного мужа. Однако это объяснение, связанное с временным, слишком болезненным отношением Ирины к детям после собственной трагедии, Турецкого почему-то не устраивало. Черт знает какие мысли лезли в его голову, когда в очередной раз жена срывалась с места, бросая все, и мчалась встречать Ваську из школы, а потом занималась с ним допоздна, затем готовила отцу и сыну ужин, начисто позабыв про собственного супруга, и, наконец, являлась домой едва ли не к полуночи... И что же, все это следует объяснять большим инстинктом неудовлетворенного материнства?!

Так ведь в итоге не только Васька, но и Антон весь в шоколаде, в отличие от него, Турецкого! И уж кто-кто, а Александр Борисович помнил по меньшей мере о двух вещах, не имеющих прямого отношения к материнским чувствам. Во-первых, Ирина Генриховна сыграла немаловажную роль в возвращении Плетнева-старшего к нормальной жизни: пока она не включилась в переговоры с ним по поводу помощи следствию, он вообще не желал общаться с правоохранительными органами.

Но самое неприятное для Турецкого было «во-вторых»: в свое время, в процессе следствия по делу Плетнева, ему довелось пересмотреть уйму снимков погибшей от рук мерзавцев жены Антона... Так вот: несчастная женщина походила на Ирину Генриховну так, словно они были родными сестрами... И покажите хотя бы одного мужчину в мире, которого все эти обстоятельства, вместе взятые, не наводили бы на вполне конкретные мысли и намерения.

Работай Турецкий сейчас в Генпрокуратуре, сама работа хоть как-то помогла бы ему отвлечься. Но в «Глории», с его точки зрения, дел было – сущий мизер. К тому же отвратительное лето явно растянуло мертвый сезон. Большинство москвичей укатили на юга и возвращаться пока явно не собирались. Нечего делать в столице, где каждые несколько дней погода меняется, словно в калейдоскопе узоры: то жара, то неделя дождей, то неделя осеннего холода с почти ледяным ветром и снова внезапная адская жара.

– Дьявольщина! – выругался Александр Борисович, обнаружив, что едва не врезался в стоявший на подъезде к парковке «Глории» чужой автомобиль: роскошную белую иномарку. Мило начинается денек, ничего не скажешь!

«Пежо» заглох, пришлось снова заводить, сдавать назад и уж потом как можно аккуратнее заезжать на стоянку.

Спустя пятнадцать минут он, спустившись на пару ступеней, вошел наконец в помещение ЧОПа и, миновав небольшой застекленный тамбур, оказался в обширном холле, уставленном кожаной мебелью и пальмами.

Александр Борисович открыл рот, чтобы поздороваться с молоденькой секретаршей Наташей, но так и не произнес ни звука.

Ему навстречу поднялась из глубокого кресла женщина, показавшаяся Турецкому просто ослепительной красавицей.

– Доброе утро! – В ее низком голосе с завораживающими интонациями слышалось волнение. – Как хорошо, что вы пришли, я уже хотела уезжать, чтобы посетить вас позже!

Прежде чем ответить на приветствие, Александр Борисович бросил быстрый взгляд на настенные часы, висевшие над входом в кабинет Дениса. Он действительно опоздал, правда всего на десять минут.

– Здравствуйте... Прошу прощения, пробки... Здравствуй, Наташа, два кофе... Проходите, пожалуйста.

– Мне лучше чай. – Женщина бросила это на ходу, уверенно шагнув в распахнутые перед ней двери.

– Один кофе, один чай, – улыбнулся Турецкий.

Они сели друг напротив друга по разные стороны длинного письменного стола. Перед Александром Борисовичем была женщина, как он наконец разглядел, не слишком молодая – вероятно, что-то около сорока – и действительно красивая. Тщательно ухоженная, пепельная блондинка с не просто правильными, а, можно сказать, совершенными чертами лица, большими серыми глазами, в дорогом деловом костюме голубого цвета. И этот костюм, и тонкая блузка в тон к нему ненавязчиво подчеркивали общее изящество облика прекрасной незнакомки. Но более всего, вопреки удивительно гармоничной внешности, поразило Турецкого полное отсутствие у нее женского шарма... Причины он пока понять не мог. Казалось, она до такой степени была лишена даже намека на сексуальность, что напоминала собой прекрасный манекен, выставленный в витрине модного магазина.

Очевидно, женщина тоже внимательно разглядывала его, поскольку целую минуту оба молчали. Затем, удовлетворенно кивнув, она заговорила.

– Меня зовут Лидия Ильинична Клименко, – сообщила посетительница. – Я занимаюсь модельным бизнесом, вполне успешно...

«Кто бы сомневался, наверняка успешно!» – подумал Турецкий и сказал:

– Очень приятно. Директора нашего агентства сейчас нет в Москве, но я готов выслушать вас.

– Благодарю, мне сказала ваша секретарша... Я хочу, чтобы вы расследовали смерть... Гибель моего отца.

– Вас не удовлетворяет по каким-то причинам официальное следствие? – поинтересовался Александр Борисович.

– Не удовлетворяет. К тому же никакого расследования фактически не было: его гибель квалифицирована как несчастный случай. Но это не так, отца убили...

Турецкий незаметно для Клименко нажал кнопку записывающей аппаратуры, размещенной в ящике стола.

– Не могли бы вы изложить все с самого начала, подробно, с датами и деталями? – попросил он. – После этого я смогу ответить вам, займемся ли мы этим делом.

– Я готова заплатить столько, сколько понадобится, если возьметесь. – Она нахмурилась. – А все, что нужно, я сейчас расскажу.

Она помолчала, видимо собираясь с мыслями, прежде чем продолжить.

– Моему отцу, Илье Петровичу Клименко, шестьдесят четыре года... было. Полторы недели назад мы с ним поехали на очередной плановый прием к его доктору, в клинику...

– По поводу? – перебил ее Турецкий.

– Скорее, по причине, – Лидия Ильинична слегка нахмурилась. – Видите ли, у папы была онкология – желудок... Но отнюдь не в безнадежной стадии. Лечение оказалось очень и очень результативным, в последний месяц он чувствовал себя отлично, практически так же, как до болезни...

– Понятно... И что же было дальше?

– По дороге нам необходимо было заглянуть в супермаркет, тот, что на улице Ласточкина, неподалеку от клиники...

И, заметив, что Александр Борисович тут же перевел взгляд на крупномасштабную карту Москвы, висевшую справа от его стола, пояснила:

– Папа лечился не на Каширке. То есть он, конечно, состоял там на учете, но лечила я его в клинике профессора Хабарова... Возможно, вы слышали? О нем многие знают. Он действительно поднимает на ноги безнадежных больных... при определенных условиях.

– Вы имеете в виду оплату?

– Это само собой, – она слабо улыбнулась. – Клиника-то ведь частная! Но я имела в виду не это, а ряд сугубо медицинских показателей.

Турецкий решил пока не уточнять эту сторону дела: ему показалось, что Клименко слишком долго подбирается к сути.

– Итак, насчет супермаркета, – напомнил он.

– Да... – она кивнула и снова помолчала, собираясь с мыслями. – Вы просили с деталями... В маркете я собиралась купить бутылку дорогого коньяка для папиного доктора: в предыдущий визит мы случайно узнали, что у него день рождения, а коньяк, о котором идет речь и который всегда имеется в этом магазине, его любимый...

– Удачная случайность... – пробормотал Турецкий.

– Что вы имеете в виду? – удивилась она.

– Случайно узнать столько всего сразу, включая то, что упомянутый коньяк всегда есть именно в этом супермаркете, – он слегка растянул губы в улыбке. – Вы не находите, Лидия Ильинична, что вам практически прямо предложили поздравить доктора с днем рождения конкретным подарком?

– Не нахожу, – холодно отрезала та. – Тем более что о дне рождения мы услышали случайно из разговора медсестер между собой, а насчет подарка я по собственной инициативе посоветовалась с одним из врачей.

– Продолжайте, – кивнул Турецкий, целью которого как раз и было прояснить ситуацию. В делах, связанных с убийством (если, конечно, речь действительно шла об убийстве), мелочей не существовало.

– Я оставила папу в машине, – вздохнула Клименко, – а сама пошла в супермаркет...

Александр Борисович вновь внимательно посмотрел на карту и, поднявшись, подошел к ней поближе: район, в котором располагалась улица Ласточкина, он знал неплохо, а с упомянутым супермаркетом года два назад было связано одно из его расследований, так что «сцену» он представлял хорошо. Дело было за действием.

– Где вы припарковались? На стоянке? – поинтересовался Турецкий.

– Нет. – Она тоже встала и подошла к нему, обдав его настолько приятным запахом духов, что Турецкий даже шмыгнул носом. – Стоянка была забита. Я припарковалась с торца, пришлось загородить выезд нескольким машинам, но я не собиралась задерживаться в магазине долго.

– Та-а-ак... – протянул Александр Борисович. – Значит, где-то вот тут, почти на обочине, верно? – Он ткнул в карту прихваченным со стола карандашом.

– Верно... Я вижу, вы знаете это место? – И, дождавшись его кивка, продолжила: – Как видите, в отличие от шоссе, улочка тихая и малооживленная. Когда я уходила, папа сидел в

машине, и я не представляю, почему он вдруг из нее вышел... То есть на самом деле просто знаю, что вышел, а почему и кто был мужчина, который его из машины выманил...

– С этого места, пожалуйста, подробнее!

– Когда я вернулась, – женщина заметно побледнела, – отец лежал почти на середине улицы, мертвый, толпа уже собралась, я... Его сбила машина, понимаете? Сбила, выскочив из-за угла, со стороны шоссе, и скрылась сразу же...

– Марка, номер?

– Если бы! – с горечью произнесла она. – Единственное, что известно, – цвет. Как сказала девочка, похожий на какао... Ну, еще пара свидетелей тоже запомнили цвет и то, что это была иномарка...

– О каком мужчине и какой девочке вы говорите?

– Простите, я, видимо, все еще не могу рассказывать об этом спокойно... Понимаете, отец мог выйти из машины, только если его об этом попросил специально, под каким-нибудь предлогом, знакомый человек... Но никто ничего и никого не видел, кроме одной малышки... Ей всего семь лет, но я ей верю, в отличие от милиции... Те Машеньку даже слушать не стали!

Понимаете? Им это ни к чему, проще назвать происшествие несчастным случаем. А кому, скажите на милость, надо убивать обыкновенного пенсионера, да еще и больного?!

– Вопросов сразу два: ваш отец действительно был «обыкновенным пенсионером»? И что конкретно сказала Машенька?

– Папа действительно был обыкновенным пенсионером, – коротко сказала Клименко. – Тем не менее девочка видела, как «дяденька», с которым папа о чем-то разговаривал, прогуливаясь, толкнул его под неожиданно выскочивший из-за угла автомобиль... Вы тоже не верите? – Лидия Ильинична зло сощурилась.

– Я пока не выработал никакого отношения к этой ситуации, – честно сказал Турецкий. – Кроме того, в подобном деле подход «верю – не верю» неуместен в принципе... Адрес ребенка у вас есть?

– Да! Когда я поняла, что менты... – Клименко вдруг смутилась, употребив случайно вылетевшее из нее расхожее, но все-таки жаргонное словечко. – Извините, милицейские... Когда я поняла, что они спишут все на случайность со скрывшимся с места преступления водителем, я вспомнила про эту девочку, как она пыталась кому-то из взрослых сказать, что «этого дедушку дяденька толкнул»... В общем, я ее мордашку каким-то чудом, несмотря на шок, запомнила, она очень хорошенькая девчушка... Я потом несколько дней бродила по дворам в том районе, и наконец мне повезло.

– И что же, Машенька вновь подтвердила вам то, что говорила тогда в толпе?

– Слово в слово! – кивнула Лидия Ильинична. – И я ей верю.

Некоторое время они помолчали, после чего Турецкий задал неизбежный вопрос:

– Мог кто-то убить вашего отца, если это действительно убийство, в связи с вашим бизнесом? Отомстить за что-то, например?

– Это исключено, – твердо возразила Клименко. – У меня всего лишь среднее по величине модельное агентство, называется «Крузиз», работаю я в тесном контакте с более крупными, и куда более крупными, коллегами, никто меня как конкурентку рассматривать не станет. Да и дорогу я никому не перебежала...

– Что, вот так все гладко? – усомнился Александр Борисович.

– Не все. Но, поверьте, не до такой степени, чтобы папина гибель имела отношение к нашим мелким неурядицам...

– Лидия Ильинична, – покачал головой Турецкий, – если вы действительно хотите, чтобы мы взяли за ваше дело, вам придется предоставить право решать, что к чему имеет отношение, нам. Насчет «верить – не верить» я уже говорил. И соответственно предоставлять нам любую информацию, какую мы запросим, включая связанную с вашим бизнесом...

Она немного подумала, прежде чем ответить:

– Хорошо. Я согласна, хотя...

– Никаких «хотя»...

Турецкий нажал клавишу миниатюрного селектора и окликнул секретаршу:

– Наташенька, кто из наших на месте?

– Плетнев и Щербак, – отозвалась та.

– В таком случае Щербака ко мне. – Он покосился на поднос с давно остывшими и так и не тронутыми кофе и чаем, который Наташа незаметно внесла и оставила в самый разгар беседы с посетительницей. – Сейчас я познакомлю вас с оперативником, который будет заниматься гибелью вашего отца. Но вначале вместе с ним подойдите к Наташе, она должна составить контракт... Точнее, трудовое соглашение... Входи, Николай.

Последнее относилось уже не к Клименко, а к Щербаку, абсолютно бесшумно появившемуся на пороге кабинета.

– Я полагала, моим делом будете заниматься лично вы, – пробормотала Клименко, нахмурившись. – Я... Я о вас слышала... Вы ведь тот самый Турецкий, из Генпрокуратуры?

– Тот самый... Делом вашим я заниматься тоже буду. Обязательно. От кого вы слышали обо мне?

– Это так важно? – Женщина закусила нижнюю губу, и в ее глазах мелькнул наконец огонек, который с некоторой натяжкой мог сойти за попытку кокетства.

– Не очень, но я человек любопытный, – улыбнулся он.

– Хорошо... У меня есть подруга-врач, она работает вместе с подругой вашей жены...

Такая вот цепочка.

– С Катей?

– Кажется...

– Точно с ней, – покачал головой Александр Борисович. – Других подруг-врачей у моей жены нет... Хм!

Он пожал плечами: удивительные существа женщины! Екатерина его всю жизнь недолюбливала, это он знал точно. А вот поди ж ты – клиентке порекомендовала, судя по всему, как хорошего спеца... Ладно, проехали!

Турецкий посмотрел на застывшего в ожидании Николая, отметив его недовольную физиономию: кому ж понравится, если про тебя забудут, предварительно выразив косвенное недоверие к твоим профессиональным качествам?!

– Да, так вот, прошу любить и жаловать, – спохватился он, – наш Николай Щербак, несомненно лучший оперативник.

Клименко нехотя поднялась и повернулась к Николаю, а Александр Борисович с удовлетворением пронаблюдал почти молниеносную смену выражений на физиономии оперативника – от упомянутого недовольства до трепетного восхищения совершенной красотой Лидии Ильиничны. И, дождавшись, когда оба они покинули кабинет, с некоторым сомнением потянулся к чашке остывшего кофе: хоть такого хлебнуть, тем более что Наташа сейчас уже занята с новой клиенткой – оформляет договор. Вряд ли, конечно, клиентка эта «долгоиграющая»: Турецкий почти не сомневался в том, что подозрения Лидии Ильиничны не следствие реальной ситуации и плохой работы милицейских, а результат ее собственного шока.

Во внезапную смерть близкого человека поверить всегда трудно, особенно поначалу. Он много раз за годы работы видел и знал, что люди в таких случаях отвлекают себя от безусловности случившейся трагедии с помощью собственной фантазии, накручивают вокруг гибели жертвы сюжеты собственного изготовления, чаще всего как раз детективные... А тут еще девочка, тоже со своими явными фантазиями... Ладно, их дело, во всяком случае, на данном этапе важнее всего проверка фактов. И Коля ее осуществит, как всегда, блестяще, так, чтобы никаких сомнений ни в чем и ни у кого не осталось.

А что касается поиска скрывшегося с места водителя, это дело милиции: у них и возможностей больше – и информационных, и физических, – и людей для их реализации. Остается надеяться, что в свое время он сумеет объяснить это красавице-манекену достаточно убедительно.

Придя к столь утешительному, но малоинтересному выводу, Александр Борисович вздохнул и, в очередной раз с сомнением поглядев на остывший кофе, все-таки решился и сделал маленький глоточек.

– Не так уж и плохо, – кивнул он сам себе.

Однако допить кофе ему сегодня было явно не суждено: в дверь кабинета постучали. И не успел Турецкий в этой связи поморщиться, как на пороге возник не кто иной, как Константин Дмитриевич Меркулов собственной персоной!

Тот самый Костя Меркулов, откровенничать с которым Александру Борисовичу в последнее время по самым разным причинам совсем не хотелось...

2

Ровно за полторы недели до неожиданного появления Константина Дмитриевича Меркулова в «Глории» в просторной, только что заново обставленной московской квартире, расположенной в центре столицы, немолодой, но прекрасно сохранившийся бизнесмен Николай Николаевич Мальцев ласково прижал к себе жену, прежде чем выйти из дома. Шел одиннадцатый час вечера, однако прервать уютный семейный вечер в обществе молодой супруги и маленькой дочки Мальцева заставили дела, связанные с работой, а вовсе не желание прогуляться перед сном.

– Маринушка, – он нежно улыбнулся, слегка отстраняя ее от себя. – Ну поверь ты мне наконец: волноваться совершенно не о чем! Мы ж говорили с тобой об этом и вчера, и позавчера... Вот увидишь, все будет хорошо! Я наконец-то сдвинусь с места, откроем второй магазин, а там...

– Ох, Коля... – Она подняла на него томные карие глаза. – Не надо укладывать... Моя бабушка всегда так говорила, когда мы начинали с мамой строить планы на будущее, и была права! И волноваться я все равно буду! Сейчас знаешь как взялись за контрафакт?

– Знаю! Потому и взял в партнеры Чжана: китайцы в этом отношении настоящие волшебники, руки у них... Ни одна собака от подлинника не отличит... Все, милая, мне пора!

После того как за мужем захлопнулась дверь, Марина еще какое-то время стояла в прихожей, печально глядя себе под ноги. На душе было почему-то особенно тревожно именно сегодня. Конечно, Коля прав насчет китайцев. Пошьют все так, что комар носа не подточит, а уж покупательницы-то точно не усомнятся, что приобретают подлинную французскую фирму. И тем не менее!

– Все же зря я подписала эти бумаги... – пробормотала женщина и, вздохнув, побрела в глубину квартиры, посмотреть, как там спит их Машенька. Спит, конечно. Николай успел уложить девочку, прежде чем засобираться в цех к Чжану, а при папе она всегда засыпала мгновенно и спала, не просыпаясь, до самого утра.

Вероятно, теперь такая вот ночная работа станет для него постоянной на довольно долгое время: китайский цех по пошиву одежды был нелегальным, располагался едва ли не на краю Москвы, в подвале стремительно ветшавшей пятиэтажки. Публика в доме, да и вообще в микрорайоне, жила та еще, подразделяясь всего на две категории. Как однажды пошутил Николай, пьющие и сильно пьющие. Про китайский цех, конечно, знали все. Однако жаловаться на доносящийся по ночам из подвала легкий, почти неслышный стрекот швейных машинок никому из местных и в голову бы не пришло. Во-первых, ясное дело, что менты, в чьи обязанности входило отслеживать таких подпольщиков, давно были куплены хозяином нелегального предприятия. А что касается шума, так Чжан сразу обшил потолок и стены импровизированного цеха чем-то почти звукоизолирующим, так что не очень-то они жильцам и мешали.

Разворачивая машину в сторону северной окраины столицы, Николай думал и об этом, и о своей молодой, горячо любимой им жене одновременно. И в конце концов принял решение в следующий раз взять Мариночку к Чжану с собой: пусть посмотрит на все собственными глазами и сама убедится, что волноваться не о чем! Пусть уж за все про все сам Чжан волнуется и его работники.

Николай Николаевич улыбнулся, потом слегка нахмурился и прибавил газа, выехав на полупустое в этот поздний час шоссе. С одной стороны, сегодня он мог бы и не ехать в цех. Но с другой – вчера, когда он отвозил Чжану деньги, обнаружил, что новый работник цеха – маленький, юркий и совсем юный, с его точки зрения, паренек – Чонгли, кажется? – едва не пустил часть дела насмарку, перепутав бирки «фирмы»: вместо оговоренной французской притащил мешок с немецкими лейблами... Хорошо, что Мальцев это заметил, прежде чем

швеи начали их настрачивать... Нет, контроль за ними все-таки нужен, особенно с учетом того, какая сумма на сей раз вложена им в проект.

Николай Николаевич решил, что постарается все же возвратиться домой до того, как Мариночка ляжет спать: много времени, чтобы проверить, какие именно лейблы используют работники и работницы, не понадобится...

Ему и в голову не могло прийти, что времени на это лично ему, наконец-то выбившемуся из проблем бизнесмену Мальцеву, потребуется на этот раз много: целая вечность...

Точно так же не могло прийти в голову китайскому юноше Чонгли, что очередная ошибка, за которую его яростно отчитывал хозяин в тот момент, когда Мальцев входил в цех, станет вовсе не роковой, как пообещал только что Чжан, а спасет ему жизнь...

Спустя ровно семь минут после того, как Николай Николаевич оказался в цехе, а донельзя расстроенный Чонгли, притащивший опять не ту упаковку лейблов, был едва ли не пинками отправлен за нужным товаром, хранившимся в дворовом гараже, входная дверь цеха лязгнула и распахнулась под ударом тяжелого армейского ботинка. Трое амбалов в масках, ворвавшись в подвал, обрушили настоящий шквал автоматных очередей, под которыми первыми упали Мальцев и Чжан, оба сраженные насмерть. Спустя короткое время были расстреляны и все остальные работники цеха...

Возможно, кто-то из них был еще жив, когда первые из политых бензином тюков с готовой одеждой вспыхнули от язычка зажигалки одного из убийц...

Чонгли, с упаковкой на спине, увидел их в тот момент, когда те, матерясь, выскочили из подъезда, и замер в глубине двора, инстинктивно прижавшись к стене гаража, буквально слившись с ней во тьме. Три амбала в черных шапках с прорезями для глаз, натянутых на физиономии, прошли в каких-нибудь двух метрах от китайца, не заметив его. Чонгли, выросший в цирковой семье, умел оставаться невидимым и неподвижным часами, даже если вокруг не было спасительной полуночной темноты...

Проходя мимо гаража, один из бандитов пробормотал, торопя товарищей:

– Уходим быстрее, сейчас рванет!

И действительно рвануло, вышибив хлипкую дверь подъезда, и вырвалось наружу багровое смертоносное пламя. Рвануло как раз в тот миг, когда темный джип с убийцами, взревев мощным движком, скрылся на выезде из двора...

– Вот черт... – пробормотал Турецкий, дослушав до этого места историю, излагаемую Константином Дмитриевичем. – Жалко Николая, я его помню... А что он женился, да еще на молоденькой, об этом понятия не имел.

– Ну да, вы давно не виделись, – вздохнул Меркулов. И, поколебавшись, добавил: – Ты, Саня, и остальных знаешь...

– Кого имеешь в виду? – удивленно приподнял бровь Александр Борисович. – Никак... подозреваемых?

– Никак, – вздохнул тот. – Понимаешь, Мальцев, кроме как с нашими, считай, ни с кем не общался...

– Ну как же, а бизнес? Сам говоришь, в последнее время он встал на ноги. Следовательно, конкуренты наверняка были.

– Да в том-то и дело, – болезненно поморщился Меркулов, – его основным и, пожалуй, единственным конкурентом был Толик Гамза. Маринка на поминках Анатолия, считай, из-за стола выгнала, впрямую убийцей назвала... Все остальные, как ты понимаешь, были в шоке...

Они помолчали. Паузу нарушил Александр Борисович:

– Одного я не понимаю, – покачал он головой. – Почему ты, Костя, с эдаким делом пришел к нам... Неужто не хватает связей взять дело под свой контроль?

Да и в угрызиске, кого нужно, тебе легче самому задействовать.

– Вижу, точно не понимаешь, – вздохнул Меркулов. – Ну, дело под мой личный контроль, когда узнают, что все – и жертва и подозреваемые – мои же одноклассники, с которыми я годами поддерживаю связь, вряд ли отдадут... Я и сам его не возьму! Ты же понимаешь, каково это – подозревать своих друзей? Да и объективности от меня дожидаться в этой ситуации действительно трудно... Что касается угрозыска, дело у Щеткина, я об этом как раз позаботился...

– Значит, предполагается, что работать мы будем рука об руку с сэром Генри, он же Петя Щеткин... Сносно...

Турецкий немного подумал и, вздохнув, нажал клавишу селектора:

– Наташенька, Плетнев еще в конторе? Позови, пожалуйста.

Отдав распоряжение, Александр Борисович бросил мрачный взгляд на Меркулова и отвернулся к окну. Как-то уж слишком настойчиво сводит судьба Костю с Антоном: одной из причин, по которой Турецкий перестал делиться со старым товарищем Меркуловым своими проблемами, была та, что именно Константин Дмитриевич взял тогда с собой к Плетневу, чтобы привлечь его к расследованию рокового взрыва в Мневниках, именно Ирину. Не мог, змей такой, не отметить сходство Сашиной жены с погибшей женой Плетнева, следствие-то тогда вместе вели! И наверняка Иринку втянул намеренно, в качестве наживки... Отдельное ему спасибо за это!

– Вызывали, Сан Борисыч? – Антон влетел в кабинет, как всегда, стремительно. И Турецкий невольно отметил, как «посимпатичнел» тот в последнее время... С чего бы это ему так сиять? Впрочем, к данной ситуации это отношения не имеет.

После того как Константин Дмитриевич ввел Плетнева в ситуацию, дальше они двинулись уже втроем, хотя уточняющие вопросы задавал сам Турецкий:

– Давай, Костя, вернемся к поминкам, где, как ты говоришь, были все ваши... Заодно охарактеризуешь каждого для Плетнева, да и я послушаю. Начни-ка ты нам с молодой женушки!

Меркулов растерянно улыбнулся и слегка пожал плечами:

– Как раз о Марине-то я могу сказать меньше всего... Ты же понимаешь, они поженились, наверное, года три назад... С ребятами мы встречаемся стабильно раз в году, а так – от случая к случаю... В общем, видел я ее несколько раз, а что сказать? Ну, такая красивая баба, из томных брюнеток... Внешне вроде бы Кольку любила, а там кто знает.

Он внезапно хлопнул себя по лбу:

– Вот черт! Я же снимки принес с похорон и с поминок тоже...

Меркулов поспешно полез во внутренний карман мундира и извлек на свет пачку фотографий.

– Вот... Тут все, кто... О ком может идти речь. Это Марина.

Турецкий и Антон получили каждый по снимку. Александр Борисович кивнул:

– И правда хороша... Слушай, а это кто, неужели Дашка? Ну надо же, все еще впечатляет!

– Точно! – Меркулов слабо улыбнулся. – Дарья Андреевна у нас по-прежнему светская львица и выглядит – сам видишь...

– Здорово она переживала? – посерьезнел Александр Борисович.

– Да, – кивнул Меркулов и тоже помрачнел. – Мне кажется, Даша со своей любовью к Николаю так до конца и не рассталась, поэтому и замуж не вышла...

– Могу представить, как она относится к Марине...

– Ну, не знаю, – смущенно пожал плечами Константин Дмитриевич. – Я, понимаешь, как-то не вникал...

– Мне кажется, – вмешался Антон, – вот этого мужика я где-то видел... Вот этого, в очках, с умным лицом. – Он ткнул пальцем в один из снимков.

– Которого? – повернулся к Плетневу Меркулов. – А-а-а... Может, и видел по ящику...

– Держу пари, – подал реплику Турецкий, – речь идет о Паше Чернобровове... Это, Антон, очень известный дирижер, одновременно одноклассник убитого, ну и Костин, разуме-

ется... А лицо у него такое умное, как ты выразился, потому что он и правда умный. Можно сказать, большой интеллектурал... Я прав, Костя?

– Паша в первую очередь творческий человек, музыкант божьей милостью... Так же, как и Дарья. Одинокий человек и, можно сказать, по тем же причинам... Ты, Саня, не знаешь, никогда тебе об этом не рассказывал... Они – Паша, Дарья и Коля – в старших классах являли собой, несмотря на дружбу, любовный треугольник... Даша умирала от любви, совершенно безнадежной, к Мальцеву, а Павел – от точно такой же к ней самой. И ни у кого ничего, как видишь, не сложилось.

Мужчины помолчали. Потом Меркулов, вздохнув в очередной раз, продолжил:

– Сразу говорю: рыть в этом направлении смысла не имеет, все давно быльем поросло... Кто у нас там еще? А-а-а, Толя Гамза, которого вдова считает убийцей... Я не верю... Толик с Николаем столько лет дружат, со второго класса... Считайте, больше полувека!

– Костя, погоди, – прервал его Турецкий. – Ну что, мне тебе объяснять, какова теперь наша жизнь, что ли? Что там, где большие бабки крутятся, даже самая старая дружба ржавеет? Проверять, коли уж ты нам такое дело доверил, будем всех, жену и Гамзу в первую очередь, как самых заинтересованных лиц: я ведь не ослышался, бизнес у них был один и тот же, и магазинчики вроде бы чуть ли не рядом?

– Не ослышался... – буркнул Константин Дмитриевич. – Рядом...

– Кто и чем торгует?

Меркулов слегка поерзал на стуле, прежде чем ответить:

– Оба тряпками... В смысле одежды...

– Разумеется, контрафакт, – усмехнулся Турецкий. И, обнаружив, что Константин Дмитриевич начал краснеть, покачал головой: – Слушай, Костя, ты ж не думаешь, что товар китайского производства Мальцев намеревался пустить в продажу с китайскими же бирками? Особенно с учетом того, что цех был подпольный?

– Не думаю, – коротко ответил Меркулов.

– В таком случае проверять придется прежде всего бизнес китайца, который этим цехом владел! Мальцев мог попасть под раздачу, и, скорее всего, так и было... Роковая случайность: приехал в тот момент, когда состоялась внутренняя разборка в диаспоре... Не повезло! И я бы на твоём месте проверил именно этот вариант в первую очередь, по своим каналам, так сказать, в частном порядке. Лично я не понимаю, почему все и сразу решили, что охота шла за Колей. И речь пошла о заказе, а не об этом Чжане?

– Почему ты думаешь, что я этого не сделал? – хмуро поинтересовался Меркулов. – Я что, так похож на идиота?

– Ну и?...

– Значит, так... Хочешь называть это диаспорой – на здоровье. Только на мой непосвященный взгляд, «Триада» – это не диаспора, а настоящая мафия...

– «Триада»?

– Ну, возглавляет всю эту нелегальщину некая «Триада», не только у нас, но и по всему миру. Конечно, здесь, как в любом другом месте, – свои представители. Деталей пока не знаю, но узнаю... Или узнаете вы... Короче: крови за нашими, во всяком случае «московскими», китайцами до сих пор не числилось. Возможно, чисто работали, а возможно, действительно не бесчинствовали. Свои проблемы решают всегда внутри, никаких контактов с российским криминалом, это совершенно точно!

Плетнев не сдержался и с большим сомнением хмыкнул. А Меркулов спокойно продолжил:

– Главное даже не в этом. А в том, что хозяин цеха Чжан был одним из лиц, можно сказать, приближенных если и не к императору, то к его родственнику. И если иметь в виду внутренние законы «Триады», весьма законопослушным ее членом.

– То есть положенные бабки отстегивал, и всегда вовремя?

– Есть неподтвержденный, правда, слух, что Чжан к тому же участвовал, и очень успешно, в транспортировке нелегалов из Китая к нам, помогал в первое время... Тем, на кого «Триада» давала добро... В общем, им теперь вместо него нужно искать нового человека, то есть возникли кое-какие трудности. А главное, Петя Щеткин где-то нарыл сведения о том, что руководители здешней китайской диаспоры отдали распоряжение искать убийц... К сэру Генри даже человек от них приходил... Такие вот дела.

– Дела, которые все равно нужно проверять и перепроверять, – задумчиво возразил Турецкий. – Тем не менее если ты прав и Николая действительно заказали, то заказал явно кто-то из своих... Он что, ездил к этому Чжану по жесткому графику?

– То-то и оно... Последний месяц – ежедневно, в одно и то же время: у них там проект, как я уже говорил, совместный реализовывался... Больше пока ничего не знаю, да и то, что знаю, как видишь, все с чужих слов, непроверенные слухи, а улики ни одной...

– Там точно все погибли?

– Точно, Саня... Я там был... Жуткое зрелище, куча сгоревших трупов. В самом подъезде, хотя пожарные приехали сразу после взрыва, три семьи погибли. Слава богу, остальные квартиры давно пустовали, дом предназначался на снос еще год назад. Почему не снесли до сих пор, не знаю, но догадываюсь. Чжан, говорят, платил всем, кому надо, не скупясь: у него по Москве таких цехов было несколько, так что не бедствовал мужик...

– Константин Дмитриевич, – поинтересовался долго молчавший Плетнев, все еще разглядывавший фотографии, – не подскажете, кто этот бритоголовый тип? На вашего одноклассника вроде бы по возрасту не тянет, молод... И вид бандитский.

– Где? – Меркулов надел очки, которые перед этим снял. – А-а-а, а я и не знал, что он попал в кадр... Очень удачно! А кто это, не знает даже Марина. Во время поминок по старому обычаю дверей в квартиру не запирают... В какой-то момент этот тип вошел, мы все, значит, на него воззрились... Ляпнул что-то насчет знакомства с покойным, вроде бы ему даже кто-то налил, после чего быстро слинял.

– Проверь его по картотеке, – посоветовал Константину Дмитриевичу Турецкий. – Хотя, скорее всего, просто на халяву забрел, прослышав про поминки. Но харя и впрямь бандитская. Меркулов кивнул и поднялся со стула.

– Пора мне, Сань, тем более что и сказать-то больше нечего. Все адреса и места работы тебе отдал... Антон, ты будешь заниматься?

– Похоже, – Плетнев нерешительно посмотрел на Турецкого. – А иначе зачем я здесь?

Александр Борисович небрежно кивнул и одним пальцем подтолкнул через стол в сторону Плетнева листок бумаги с упомянутыми Меркуловым адресами и телефонами.

– Я тогда Щеткину отзвоню, – вздохнул Константин Дмитриевич. – Он с тобой, Антон, свяжется... Спасибо, ребятки, пойду я... А за оплату вы не беспокойтесь, мы все вместе оформим, как положено...

Дождавшись, когда они останутся вдвоем, Александр Борисович повернулся к Плетневу.

– Начнешь с супруги, – сухо произнес он. – Если понадобится помощь, отзовем из отпуска, да и Сева скоро вернется. Обрати внимание: Мальцева обвинила Гамзу в убийстве мужа на поминках. То бишь задолго до того, как выяснилось, что это не «китайские разборки». С чего бы?

– Всеволод Михайлович меня почему-то терпеть не может, – неожиданно сказал про Голованова Плетнев.

– Да? – заинтересованно переспросил Турецкий, тут же ощутив к Севе Голованову горячую волну дополнительной симпатии. – Надо же, с чего бы это?

Антон пожал плечами и не ответил.

– Ладно, с чувствами взаимными и невзаимными разберетесь, надеюсь, без моего участия, – холодно бросил Александр Борисович. – Еще по делу: отправляйся к Макс, нам будут нужны все сведения по этой самой «Триаде», по нелегалу Чжану и желателно по его работникам... Хотя последнее вряд ли реально. Но пусть попытается: необходимо выяснить, которая из ролей этого Чжана основная – хозяина пошивочного цеха или он одно из звеньев нелегальной миграции?

Макс, о котором упомянул Турецкий, на взгляд стороннего человека мог бы показаться человеком не просто не от мира сего, а возможно, и вовсе типом со съехавшей крышей. На самом деле он был настоящим гением – компьютерным. И, как все гении, образ жизни вел, мягко говоря, не вполне адекватный... Мог, например, неделями не вылезать из своего темного, закрытого наглухо от посторонних помещения, пялясь в мониторы нескольких компьютеров, опутанных паутиной проводов, идущих от всевозможных дополнительных приборов никому не известного назначения, щелкая по клавиатуре и питаясь между делом чипсами и колой... Он и впрямь, несмотря на весьма солидную комплекцию, напоминал, сидючи посреди всего этого хозяйства, паука в процессе охоты... Вот только охотился этот лохматый, длинно-волосый и крайне немногословный бородач не за мухами, а за информацией.

Между прочим, второго такого столь удачливого охотника за данным видом добычи в столице надо было еще искать и искать! Благодаря Макс не только сотрудники «Глории», но и негласно пользовавшаяся его услугами Генпрокуратура, а также некоторые департаменты МВД и сотрудники МУРа раскрутили не один десяток сложнейших дел...

Антон в обители гения чувствовал себя неловко: за все время работы в ЧОПе он заходил сюда второй раз. И если на косые взгляды Севы Голованова можно было не обращать внимания, просто-напросто избегая общения с ним, то с Макс приходилось разговаривать самому, а потом долго ждать ответа, поскольку тот, прежде чем заговорить, всегда думал гораздо дольше обыкновенных людей.

Кое-как завершив трудноподъемное общение с суровым бородачом, Плетнев с большим облегчением покинул подвал и, доложив Турецкому, что первую информацию по китайцам можно ждать уже сегодня к вечеру, отправился по первому из адресов – знакомиться с женой покойного бизнесмена. Предварительно, чтобы сразу не получить отлуп, Антон решил не звонить.

Что касается Александра Борисовича, то он временно выкинул Костин визит из головы, решив обдумать его дома, на досуге, и определиться наконец для себя самого, злится он на старого друга или нет. А главное – насколько сознательно тот устроил ему эту подлянку с Ириной и как бы поступил на месте Меркулова сам Турецкий? А вдруг так же? Ведь Плетнев им в тот момент нужен был позарез и любой ценой. Казалось, что без него следствие никогда не сдвинется с места, ибо только он, этот бывший спецназовец из ГРУ, по некоторым предположениям, мог знать главного террориста, организатора. Что впоследствии, кстати, и подтвердилось.

Вот уж поистине: знал бы, где упасть...

Дверь кабинета приоткрылась, и на пороге возник Коля Щербак, слегка удивившийся тому, какой радостной улыбкой поприветствовал его Александр Борисович.

– Ну что, закончил с клиенткой? Садись, сейчас у Наташи кофейку попросим!

– Все в порядке, – кивнул Николай. – Кофеек – это хорошо... А знаете, Сан Борисыч, о чем эта красотка не сказала сразу и что мне пришлось клещами тянуть?

– И что же?

– То, что супруг ее не кто иной, как... – и он назвал имя Шилова, известного продюсера, подвизающегося в шоу-бизнесе.

Некоторое время Щербак и Турецкий молча и с полным взаимопониманием смотрели друг на друга. Затем Александр Борисович ухмыльнулся и покрутил головой:

– Та-а-ак... Как выражается в подобных случаях моя Нинка – супер! А мы-то думали, что дельце на пару деньков от силы! Наверняка самая сложная часть будет в том, чтобы убедить нашу красавицу, что убийство своего отца она придумала... Что скажешь? Так мне казалось...

– Вообще-то отвечу, что и такой вариант по-прежнему не исключен, хотя жаждущих отомстить ее супругу-продюсеру пруд пруди. Репутация у него та еще... К нам около года назад обращалась одна «звездочка», которую он утрамбовывал... Пришлось повозиться!

– Да, – кивнул Турецкий, сразу погрузнев, – Дениска мне тогда рассказывал, помню. Даже его поразили принятые в шоу-бизнесе методы утрамбовки. Но твои сомнения мне понятны: если бы отомстить хотели этому Шилову, да еще так круто, скорее всего, убили бы его жену, а не тестя... Или кем он там ему доводится?

– Да, я как раз это и имел в виду, – кивнул Щербак. – Но мы ведь не знаем, какие отношения у Шилова были со стариком.

– Диапазончик возможен на всю шкалу, – согласился Александр Борисович. – Скажем, если дедок, например, чем-нибудь его шантажировал, а? Тогда заказать его мог и сам Шилов... В общем, Коля, приступай. Съезди на место гибели Клименко, найди девочку, ну и так далее. Не мне тебя учить. А я пока попытаюсь повернуть одну авантюру...

И, перехватив любопытный взгляд Щербака, подмигнул:

– Кто у нас непревзойденный спец по части сбора сплетен в артистической среде? Вижу, ответа у тебя нет. Подсказка: для такого дела нужна красивая женщина...

– Вы что же, – удивился Николай, – собираетесь просить Галю Романову?

– Попросить слегка нам помочь!

– Ну, не знаю, Сан Борисыч, – Щербак с сомнением покачал головой. – У Галки и Володи Яковлева сейчас не самое легкое время... Пока Вячеслав Иванович возглавлял Первый департамент, оба числились в лучших оперативниках. А теперь там, говорят, полная неразбериха, вся верхушка перегрызлась, а отыгрываются на операх, как водится... Я с Володькой позавчера созванивался.

– Тем более пусть поработает на настоящем деле, отвлечется от их внутренних разборок, – убежденно произнес Турецкий. – Вот прямо сейчас ей и позвоню! А тебя, Коля, больше не задерживаю.

3

Все последние месяцы после ухода в отставку генерала Грязнова, причиной которого стала гибель Дениса, Галина Михайловна Романова не только не могла сама выйти из тяжелого состояния после трагедии в Мневниках, но, казалось, уныние, охватившее все существо девушки, только усугублялось с каждой неделей. И ей, и старшему оперативнику Владимиру Владимировичу Яковлеву остро не хватало Вячеслава Ивановича, а тут еще и Турецкий, в оперативно-следственной группе которого они так часто работали, ушел из Генпрокуратуры. Но Гале по сравнению с Володей было куда тяжелее: генерал Грязнов, помимо всего прочего, являлся ее крестным, это он перетащил девушку в Москву из ее родного Краснодара, взял в свой департамент, обучал азам профессии. И Дениску она знала с детства... Теперь любимая работа вдруг сделалась не в радость, чему действительно способствовала грызня «высокого» начальства, все еще не решившего, кто именно займет казавшуюся вечной должность Вячеслава Ивановича, и немедленно поднимавшаяся в самом департаменте волна интриг. В итоге Галочка начала всерьез задумываться, а не вернуться ли ей в родной город, плюнув на столичную карьеру... В конечном счете, решив подумать над этим на досуге и без суеты, капитан Романова впервые за время службы собрала вместе все накопившиеся за полгода отгулы и засела дома.

Свою квартиру, доставшуюся в наследство от покойной тетушки Шуры вместе с нынешней Галочкиной профессией, Романова очень любила, несмотря на старомодную обстановку, трогать которую после гибели тетки не стала. Ведь именно эта мебель в стиле чуть ли не пятидесятых годов прошлого века создавала тот уют, который Романова особенно ценила.

Звонок Александра Борисовича застал Галю в самый разгар хозяйственных хлопот, с пылесосом в руках, который она только-только собиралась включить. Поморщившись – а вдруг с работы названивают? – она с недовольной миной взяла трубку. Но, едва услышав знакомый голос, буквально просияла:

– Сан Борисыч, вы!

– А то! – Турецкий бодро хмыкнул в трубку. – Ты чего это дома сидишь? Вроде бы для отпусков не время... Или время? Кажется, на ваших югах погода как раз ничего себе...

– Отгулы взяла, – Галочка вздохнула, сразу скиснув. – У нас там сейчас не самый лучший момент, противно...

– Наслышан! Вот поэтому и звоню. Очень кстати твои отгулы, конечно, если не откажешься нам слегка помочь.

– Отказать – вам?! Да никогда в жизни!

Она снова оживилась, почувствовав, как вдруг гораздо быстрее забилося сердце. Ведь думала, что уже никогда в жизни не придется работать с драгоценным Сан Борисычем, а тут сам позвонил!

– Вот и ладненько! – Турецкий тоже явно обрадовался. – Подъехать сможешь к нам?

– Да когда скажете!

– Это радует! А если прямо сейчас скажу?

– Десять минут на переодевание, – голосом рапортующего бойца произнесла Галочка, – и полчаса на дорогу!

Александр Борисович не выдержал и рассмеялся:

– Да, здорово тебя, я вижу, достали... Жду через час!

И, положив трубку, снова связался с Наташей. Девушка все еще ходила словно в воду опущенная. Возможно, потому, что понимала, кроме всего прочего, что, не отпросись она в роковой день взрыва в детском доме у Дениса в отгул, наверняка оказалась бы на месте Турецкого...

– Скажи мне, деточка, – мягко спросил у нее Турецкий, – ты не помнишь, кто у вас около года назад занимался делом шоу-звезды, которую преследовал продюсер?

– Помню, Александр Борисович, – сказала Наташа. – Филипп Кузьмич Агеев с Денисом Андреевичем, остальные на подхвате, как обычно... Вам достать папку? Но вообще-то Агеев только что пришел.

– Точно, Сан Борисыч, я тут... Нужен? Что-то случилось?

Филипп заглянул в приоткрытую дверь кабинета.

– Заходи, – улыбнулся Турецкий и крикнул Наташе: – Папочка с делом этой «звездочки» нам тоже понадобится. Как ее звали, кстати?

– Кажется, Тарасова... Да, Анна Тарасова, – ответила секретарша, появившись у двери.

– Кажется? А он ее что, все-таки утрамбовал?

– Нет, – вмешался Филя, проходя в кабинет и усаживаясь в кресло для посетителей. – Просто Анна Тарасова – настоящее имя, а вообще-то она и по сей день выступает со своей группой: псевдоним Анита, если хоть изредка смотрите ящик, наверняка слышали...

– Вроде бы да... – неуверенно произнес Турецкий. – Как будто что-то знакомое... Хотя, если честно, музыкальные каналы в последнее время даже Ирина не включает. Разве что Нинка, когда в Москве была, что-то такое глядела.

– Наверняка! Как раз недавно был этот их рок-фестиваль. Как называется – не помню, но Анита там точно пела.

– Фестиваль называется «Нашествие», – улыбнулась Наташа. – А папку я сейчас вам принесу.

Она вышла из кабинета, и Александр Борисович с Агеевым остались вдвоем. Филипп с любопытством воззрился на Турецкого:

– А с чего вдруг?

– У нас образовалась клиентка, супруга этого хмыря Шилова, подписала договор, – пояснил Александр. – Пока Галочка Романова в качестве добровольной помощницы соберет для нас нужные сведения, я не отказался бы послушать, в чем суть той истории.

– Ясненько, – задумчиво протянул Филя. – Хотите, чтобы я кратко изложил?

– Можно и не кратко, – улыбнулся Александр Борисович, – спешить пока некуда. А чтоб ты знал, что именно нас интересует, супруга продюсера явилась по поводу гибели своего отца. Считает, что его убили. Коля этим занимается.

– Отца? – Филипп явно удивился. – А при чем тут его зятек? Хотя... Ладно, давайте я и вправду перескажу вам ту историю, она у меня по сей день в памяти сидит. Мы с Дениской тогда поняли, что, даже зная о шоу-бизнесе много чего, все-таки не отдавали себе полностью отчета в том, какое это на самом деле болото с крокодилами.

– Один из крокодилов, разумеется, муж нашей клиентки? Кстати, фамилии у них разные, а в своем супружестве дама призналась крайне неохотно, это уже Щербак из нее вытянул.

– Ничуть не удивляюсь, – кивнул Агеев. – А история там такая. Анита со своими ребятами – музгруппой – приехала в столицу из провинции, не помню, правда, откуда, но в деле все есть... Спасибо, Наточка!

Последнее относилось к секретарше, вошедшей в кабинет и положившей на стол перед Александром Борисовичем объемистую папку. Открывать ее Турецкий пока не стал, предпочтя послушать Филю.

– В общем, – продолжил тот, – поскольку Анита – девка талантливая, с очень красивым голосом, после первого же прослушивания в продюсерском центре «Минимум» желающих заняться группой нашлось немало. Почему выбрали они Шилова Ивана Кузьмича, не знаю. Но, говорят, он, когда нужно, очень правдоподобно умеет разыграть отеческие чувства и убедить, особенно провинциальных ротозеев, что, кроме него, им никто не поможет. Мол, только он

раздобудет и инвесторов, и залы, и гастролы... Словом, что касается инвесторов и гастролей – не обманул. То есть обманул, но не сразу...

– Это как? – полюбопытствовал Турецкий, не слишком хорошо разбирающийся в тонкостях шоу-бизнеса.

– Легко... Вот, допустим, он находит двоих богатеньких Буратино, готовых вложить деньги в группу. А дальше, за счет гастролей и прочих концертов упомянутые деньги нужно поначалу отбить, а потом зарабатывать дальше, причем заранее оговоренный процент идет инвесторам за их помощь, еще какой-то процент – продюсеру, остальное распределяется уже между музыкантами. Конечно, в случае, если есть доход.

– А он был?

– Был, и неплохой, если учесть, как Шилов их гонял с севера на юг и обратно, по несколько концертов в день... Но если вы думаете, что ребята знали об этих доходах, то заблуждаетесь. Года два он им врал, что они, мол, все еще не отбили свои инвестиции, потому и получают гроши. На самом деле он набивал собственный карман, поскольку денежки спонсоров они исчерпали чуть ли не за полгода...

– Это ж какие суммы-то? И так внаглую?! – удивился Турецкий.

– Вот и я про то же! Кроме того, за два года у ребятшек вышло два диска, поклонников уйма образовалась. И дисковый доход ушел вновь туда же... Анита числится не просто солисткой группы, но еще и ее руководителем: тексты и мелодии песен ее, авторские. К выходу третьего диска, который был тогда уже готов, она наконец поумнела и начала своего продюсера проверять. Мир не без добрых людей, ей в этом помогли. И, едва обнаружив, что он творил за их спинами, в одну секунду его уволила...

– Представляю, что тут поднялось, – покачал головой Александр Борисович.

– Уверен, что не представляете. В девушку дважды стреляли, надо думать, промахиваясь специально... Грозилась украсть ребенка, натравливали на нее налоговую, к ней домой заявлялись какие-то амбалы с угрозами, и это еще не все. Все материалы по диску, который должен был выйти, бывший продюсер забрал, не дав его дозаписать, прямо со студии, а инструменты, которые группа привезла с собой из провинции, к слову сказать, забрал со склада... Проще говоря, украл. Вот тут-то кто-то и надомнил Аниту, находившуюся уже на грани психушки, обратиться к нам.

– Представляю, какую кучу дерьма вам пришлось разгребать, – посочувствовал Турецкий.

– Целый Монблан! И, что самое паршивое, остановили мы этого типа, по сути дела, тоже не слишком корректно...

– Думаю, шантажом, – предположил Александр Борисович.

– А что делать? – Филипп вздохнул. – Девку-то спасти надо было срочно, а как?

– И что же вы такое-эдакое на него нарыли?

– Во-первых, доказали, что ребят он действительно обворовывал, о чем спонсоры не подозревали. Но могли и узнать, например от нас, после чего хотя бы часть из них не стала иметь с ним дела. Ну а неоприходованные суммы, Сан Борисыч, он как раз клал на имя жены, уж не помню, как ее звали, этой частью Денис лично занимался, банковские связи были у него... И вот тут – самый странный момент!

– То есть?

– Ну, как вы понимаете, в грязном белье Шиловых покопаться нам пришлось – не дай бог. И по всем сведениям выходило, что отношения с супругой, которая к вам сегодня приходила, у него уже давным-давно никакие... Наш Иван Кузьмич вообще большой ходок, он на тот момент содержал сразу двух любовниц-моделек... Словом, у жены своя жизнь, у него своя. Но при этом не только не разводятся, но еще и часть его доходов укладывается на счет отверженной супруги...

– Шантаж, конечно, – кивнул Турецкий. – Кругом сплошной шантаж.

– Просто жена слишком много знала о нем, кроме того, мы тогда раздобыли и поглядели копию их брачного контракта: при разводе общее достояние супругов делится ровно пополам, без каких-либо дополнительных условий... Говорят, поначалу он влюбился в свою будущую жену до безумия, а через пару годков остыл. Какие там чувства у подобных ублюдков? Он и не женился до нее ни разу, а тут, видать, припекло, а она, возможно, без штампа в паспорте не желала идти навстречу... Говорят, раз в жизни даже самый закоренелый женоненавистник на кого-то попадаетеся...

– Говорят, – хмуро кивнул Александр Борисович. – Ну а сама Лидия Ильинична, что же, так и живет в неприкосновенности? Наверняка ведь у нее тоже какая-то личная жизнь имеется? Ну, имелась тогда?

– Да нет, – Агеев несколько недоуменно покачал головой. – Она хоть и красотка, если вы заметили, но... Словом, мужика у нее тогда, год назад, не было точно. Лично я всерьез заподозрил дамочку в нетрадиционной ориентации, но и это не подтвердилось. Похоже, кроме бизнеса, открытого на денежки мужа, ее и впрямь ничто не интересует... Не баба – манекен какой-то!

Сам того не зная, Филя в тех же выражениях, что и Турецкий, подтвердил ощущение Александра Борисовича от утренней посетительницы.

– Представляешь, – усмехнулся Турецкий, – насколько проще все выглядело бы, если бы клиентка и впрямь оказалась из лесбокомьюнити? Мщение отверженной любовницы. У них там с этим круто! Ладно, судя по тому, что ты рассказал, Галочке Романовой есть что проверить.

– Вообще-то в дела жены Шилова мы не слишком закапывались, – уточнил Филя. – Нас этот тип интересовал. Так что может много чего всплыть, Сан Борисыч. Сами понимаете...

– Ну, вообще-то она произвела на меня впечатление человека крайне расчетливого, – задумчиво сказал Турецкий. – Я это к тому, что, если бы ей было выгодно получить половину шиловских капиталов, наверняка бы с ним развелась... Похоже, что она получает из бабок, идущих мимо кассы, куда существеннее, не находишь?

– Логично! Но если ее муженьку это надоело, он, по-моему, запросто мог заказать ее, а не папану.

– Ты забываешь, что, когда речь идет о гибели жены, да еще жены богатого человека, кого начинают подозревать в первую очередь? Правильно, мужа! А при их брачном контракте, когда все делится фифти-фифти, тем более.

– Конечно, вы правы, – согласился Агеев. – Просто у меня тогда сложилось впечатление, что Шилов с супругой сожительствуют довольно мирно, как ни странно...

– На чем основано твое впечатление?

– Мы нашему Кузьмичу жучков, как вы понимаете, только что в туалет не пристроили. Были записи разговоров, по-моему, они есть в папке с делом, сами увидите... Когда ей что-то было от него нужно, спокойно звонила, просила, даже без особого напора. И он шел навстречу не то чтобы с кислой миной... Знаете, такой разговор деловых партнеров. Если не ошибаюсь, насчет любовниц, по крайней мере одной из них, он от нее даже не скрывал... Во всяком случае, имя этой модельки как-то мелькнуло, и ни один из супругов не разволновался даже...

– Есть такой вид бабников, которым формально выгодно считаться женатым мужиком, – хмуро бросил Турецкий. – Чтобы, значит, бабы не охотились, а если все же начнут, было чем отговориться... С Клименко говорил Щербак, я не успел поинтересоваться: дети у них есть?

– Пятилетний сын, полностью на попечении няnek... И знаете, единственное хорошее, что можно сказать о Шилове, ребенком он интересуется все-таки больше матери, как ни странно...

– Ничего странного... В общем и целом натура нашей новой клиентки этому вполне соответствует. Она, Филя, типичная бизнес-леди, а ученые-медики недавно доказали, что у баб, лезущих в бизнес и политику и добивающихся к тому же там успеха, что-то вроде мутации произошло...

– Ну да? – Агеев округлил глаза. – Мутация – это что-то новенькое... Врут, поди!

– Не врут, – возразил Турецкий. – У этих мадам в точности, как у мужиков, левое полушарие мозга развито больше правого, а за счет этого ослаблен материнский инстинкт...

– Ни черта себе... – пробормотал Филя.

– Согласен... И это действительно, как ты выразился, «что-то новенькое», ибо ничего похожего до начала шестидесятых годов прошлого века наука не знала, такие представительницы прекрасного пола начали появляться на свет как раз в шестидесятые...

– Какая гадость эта ваша заливная рыба! – с искренним отвращением произнес Филя, у которого с его собственной женой, насколько знал Турецкий, проблем было хоть отбавляй.

Он нахмурился и слегка вздрогнул от раздавшегося в очередной раз стука в дверь. На сей раз объявилась Галочка Романова, слегка покрасневшая от спешки.

Агеев, поздоровавшись, уставился на нее почти подозрительно, и Галя, конечно, тут же среагировала, моментально смутившись. И, как обычно бывало с ней в таких случаях, сразу вслед за этим рассердилась.

– Филя, ты чего на меня так уставился? – фыркнула Галя. – У меня что, на лбу неприличное слово написано?!

– Н-не-е-ет, – задумчиво протянул Агеев. – А скажи-ка, Галка, тебя, часом, не тянет заняться чем-нибудь политическим?

– Что-о-о? – Романова растерялась.

– Или, скажем, собственным бизнесом? – не унимался Филипп.

– Александр Борисович, у него с головой все в порядке? – Романова повернулась к Турецкому, бросив на Агеева обжигающий взгляд.

– Во всяком случае, – ухмыльнулся тот, – еще минуту назад никаких симптомов обратного не наблюдалось.

– Нет, ты ответь, я тебя серьезно спрашиваю, – продолжал напирать Агеев. – Это для дела надо.

– Отвяжись! – огрызнулась Галя. – Какая еще политика, тем более бизнес? Я и новости-то в последний раз месяц назад видела по ящику...

– Отлично! – просиял Филя. – Значит, с тобой все в порядке, нормальная баба, право-полушарная, как положено, не мутантиха!

Александр Борисович поглядел на Галочкину вытянувшуюся от изумления физиономию и, не выдержав, расхохотался от всей души, как не смеялся уже давным-давно.

4

Уходя вечером с работы, Александр Борисович, успевший внимательно прочесть все «китайские» материалы, нарытые Максом, должен был с грустью признать: Костя Меркулов обратился к нему вовсе не потому, что считает своего старого друга высококлассным следателем. А потому, что не только Генпрокуратура, но и ни одна районка, как он называл по старой памяти окружные подразделения, на такой основе дело о взрыве в подпольном цехе не приняла бы... Даже с учетом того, что погибший Николай Мальцев в последние два месяца ездил к Чжану ежевечерне, в одно и то же время, то есть по расписанию. И одним и тем же маршрутом...

Разве не проще было пристрелить бизнесмена, скажем, на выходе из его собственного подъезда? По словам Плетнева, успевшего побывать у вдовы, сделать это там было куда удобнее, пристроившись, например, на чердаке дома напротив. Какой, спрашивается, смысл тогда мочить дюжину нелегалов ради того, чтобы положить одного бизнесмена? Глупо!

Но это лишь одна сторона дела. Вторая состоит в том, что бизнесменов уровня Мальцева вообще, как правило, не заказывают: у мужика и был-то всего-навсего один магазин... Правда, он, по слухам, как раз попал в полосу везения. Сумел заработать большую сумму, собирался расширяться... Как выяснилось, за счет не кого-нибудь, а собственного школьного друга Анатолия Гамзы, откупив его магазин, торгующий тем же типом товаров. Гамзе, в отличие от Мальцева, везло куда меньше. Вроде бы в последние недели он жаловался даже на убытки. Но разве это основание, чтобы заказывать старого товарища только за то, что тот более удачливый?!

Из всего этого, с точки зрения Александра Борисовича, следовало в свою очередь, что Костя Меркулов, излагая в «Глории» имеющуюся в его распоряжении информацию, чего-то на самом деле не договорил.

Не потому, что не доверяет сотрудникам ЧОПа, а потому, что сведения, которые Константин Дмитриевич замолчал, кажутся ему настолько недостоверными, он в них до такой степени не уверен (или не желает верить!), что предпочел, чтобы Турецкий с ребятами нарыли их сами... Другой причины действий по умолчанию со стороны своего старого друга, зная его, Александр Борисович найти не мог. Ну а в то, что Костя на пустом месте заподозрил именно заказняк, хотя очевидна совсем иная версия, Турецкий отмел сразу: Меркулов, заместитель генерального по следственной работе, и сам не идиот, понимает все, но тем не менее...

К тому же существовала еще и вдова, некая Марина, успевшая обвинить все того же Гамзу в убийстве мужа еще до начала расследования, непосредственно на поминках... Что ни говори, а покопаться в этой истории придется основательно. С Плетневым, побывавшим сегодня в доме погибшего, Турецкий успел пообщаться исключительно на ходу, результатов беседы оперативника с вдовой пока не знал, но собирался узнать сегодня же вечером, поскольку кассету с записью Антон передал, тут же умчавшись куда-то по делам.

Александр Борисович, паркуясь напротив собственного подъезда, не сомневался, что возможность поработать дома у него будет: Ирина Генриховна наверняка, как обычно, отсутствует – возится с плетневским Васькой... Настоящее сумасшествие! Ведь ради этого чужого ребенка она забросила не только мужа, но и работу! И что бы там ни говорил доктор, с которым Турецкий уже дважды советовался, а говорил он, что постепенно все уляжется, шок от потери младенца у Иринки пройдет. А вместе с ним – ненормально-болезненное отношение к детям вообще... Да, так вот: чтобы там ни плел доктор, мириться со сложившимся положением вещей Александру Борисовичу становилось с каждым днем все труднее...

Закрыв машину и поставив ее на сигнализацию, Турецкий в самом мрачном расположении духа, чисто автоматически бросил взгляд на свои окна, не сомневаясь, что они, как всегда,

темные. И... в ту же секунду его сердце радостно забилось: и на кухне, и в спальне горел свет! А это могло означать только одно: против обыкновения Иринка дома!

Если бы не все еще мучившая боль в ногах, из-за которой он продолжал ходить с палкой, Турецкий, вероятно, помчался бы наверх, перепрыгивая через две ступени, как школьник, а не ждал лифт, который, на его взгляд, опускался целую вечность! Но в прихожую он все-таки влетел на предельной скорости, на какую был только способен, и невольно улыбнулся, услышав со стороны кухни знакомый звон посуды, показавшийся ему слаще благовеста.

– Ты, Шурик? – улыбающаяся Ирина выглянула в прихожую. – Вовремя пришел, ужин как раз горячий... Давай быстрее!

Упрашивать мужа дважды ей не пришлось, спустя пять минут он уже сидел за столом перед дымящейся тарелкой с котлетой и жареной картошкой. И взахлеб рассказывал Ирине Генриховне о визите Меркулова и деле, с которым тот пришел. То, что жена слушала его без особого внимания, а котлета по вкусу отдавала явным полуфабрикатом не лучшего качества, его не насторожило.

– Хочешь глянуть, каким наш Митрич в школе был? – Улыбнулся он и извлек из внутреннего кармана пиджака несколько снимков. – Во! Ир, смотри, вот он, самый лопухий... Но взгляд уже прокурорский! Класс у них вообще видный получился: прокуроры, искусствоведы, дирижеры... Сплошная богема, одним словом. Только вот Николай и Гамза не успели...

– А этот погибший?... Мог успеть? Я имею в виду – выучиться? – рассеянно поинтересовалась Ирина, одновременно оглядывая кухню в поисках чего-то, ее интересовавшего.

– Да у него, считай, вторая жизнь началась – молодая жена, дочка, дела в гору...

Александр Борисович наконец почувствовал вкус еды и, с сомнением поглядев на котлету, отодвинул от себя тарелку. Во взгляде, который он перевел на Ирину, продолжавшую что-то искать по углам кухни, мелькнуло подозрение.

– Слушай, Ир... У меня пока ни одной готовой версии. Вечер свободный. Давай в ресторан, а? Вдвоем! В какой хочешь? Может, в тот уютный подвальчик? А можно вообще в кино пойти, как подростки – на последний ряд, с попкорном...

Ирина Генриховна повернулась к мужу, поглядев на него так, словно только что его заметила. Слегка улынувшись, как показалось Турецкому, снисходительно, пожала плечами:

– Шурик, я сегодня не могу.

– Почему? – Его удивление было искренним.

– Потому что Антон в данный момент эти самые ваши версии ищет...

– Он сегодня не допоздна работает, не надо! – моментально разозлившись, рывкнул Александр Борисович.

– Ну и что? – Ирина равнодушно глянула на мужа. – Все равно педагогика и Плетнев – две вещи несовместимые.

– Вечер и ресторан, похоже, с твоей точки зрения, тоже две вещи несовместимые? А ты, значит, все совмещаешь! Ты теперь не только психолог и детектив, ты еще и нянька и учительница! – вскипел Турецкий.

– У Васи по русскому тройка, по математике вообще кол получил. Он в классе новенький, ему тяжело. – Она посмотрела на мужа осуждающе. – Ребенку нужно помочь сделать уроки. Может, из него тоже прокурор получится, а ты...

– А что я? Что я?! Ну давай поругаемся! Вот, значит, я...

Но поругаться им, к великому сожалению Александра Борисовича, не удалось – помешал Ирнин мобильник, разразившийся в этот момент звонкой трелью, и его жена, моментально включив связь, о возлюбленном муже тут же забыла, как и о только что начавшемся неловком разговоре с ним.

– Да! – она улыбнулась в трубку. – Да, я уже выхожу... Нет, что ты, никаких дел у меня сегодня нет, просто чуть задержалась... Уже еду!

Она наконец посмотрела, да еще и с укором, на онемевшего от бешенства Турецкого:
– Я буду часов в десять... Ну, в крайнем случае, в половине одиннадцатого. Пока!

После того как за Ириной Генриховной захлопнулась дверь, способность к какой-либо жизнедеятельности вернулась к ее мужу не сразу. И проявилась в форме, в общем-то для него не характерной. Яростно сплюнув, Александр Борисович схватил лежавший возле тарелки с успевшей подернуться жиром котлетой нож и со всего маху швырнул его на пол. Нож, как выяснилось, оказался довольно острым, а бросок профессиональным: некоторое время Турецкий злобно разглядывал воткнувшийся в пол, словно кинжал, ножик. Потом резко поднялся на ноги, поморщившись при этом от боли, и направился вон из кухни: мало того что котлета оказалась казенной и успела остыть, так и аппетит пропал напрочь.

Впрочем, он не кисейная барышня, чтобы сдаваться на милость эмоций целиком и полностью. Тем более что на самом деле он сильно преувеличил, уверяя жену, что вечер у него свободный. Так что заняться есть чем... Прослушает кассету с опросом вдовушки, может, появится материал к размышлению... Обдумает, если есть что, и принципиально ляжет спать до прихода жены – пусть знает!

И хотя Турецкий прекрасно понимал, что вряд ли на Ирину Генриховну произведет должное впечатление то, что муж не стал ждать возвращения беглой супруги к домашнему очагу, к выполнению своего плана он приступил немедленно, вставив принесенную кассету в диктофон, найденный на Иринином письменном столе. Судя по тонкому слою пыли, им давно не пользовались. Еще бы! Где уж тут думать о работе, когда главное дело – нянчиться с плетневским отпрыском! Хорошо еще, что хоть батарейки не сели... Турецкий поудобнее устроился в своем любимом кресле, поставил диктофон на колени и нажал клавишу воспроизведения. И почти сразу же раздался грудной и настолько завораживающе-красивый женский голос, что у него временно вылетели из головы собственные неприятности.

Судя по всему, за кадром остался вопрос, только что заданный Плетневым, запись он включил на ответе вдовы...

«– Да поймите вы, – произнесла женщина, – если бы у меня не было оснований, я бы этого негодяя Гамзу не заподозрила. Когда Коля... Когда это случилось, я сразу все поняла... Все!

– Если можно: что именно? – мягко и вкрадчиво поинтересовался Антон.

– Простите... Я сейчас...»

Где-то вдалеке послышался плач ребенка. Затем звук отодвигаемого стула, пауза, во время которой дважды прозвучал тихий щелчок: Плетнев, видимо, выключал во время отсутствия Марины диктофон. Потому что тут же ее голос зазвучал снова:

«– Машенька, с тех пор как... как это случилось, совсем не спит, ее Коля всегда укладывал... Простите...»

– Ну что вы, это вы меня простите, что тревожу в такой момент. Но для следствия важен каждый день...

– Я понимаю! – Она секунду помолчала, видимо справляясь со слезами, душившими ее. – Вы спрашивали насчет оснований... Гамза ему грозил, я сама слышала. Грозился с ним расправиться!

– То есть?

– В общем, Коля полтора месяца назад заработал очень приличную сумму денег, он собирался расширять наше... свое дело... В отличие от Анатолия: я точно знаю, что Гамза был на грани разорения, сам постоянно жаловался, в том числе мужу... Коля и по своим каналам проверил, у него действительно все было хуже некуда. Понимаете?

– Ну и что же?

– А то, что насчет наших планов и сотрудничества с китайцами никто, кроме Гамзы, не знал, Коля доверял ему. И чтобы тот не остался вообще на бобах, предложил откупить его магазинишко... А тот, вместо того чтобы спасибо сказать, разъярился, как тигр, они жутко

поссорились! Я сама слышала, потому что ссорились они здесь, у нас, а я была в соседней комнате, с Машенькой играла – поневоле услышишь...

– Именно тогда он и пригрозил вашему мужу?

– Да! Ему сумма, которую предложил Коля за эту лавку с залежалым товаром, показалась, видите ли, издевательской. Он обозвал Николая чуть ли не предателем, обвинил в желании раздавить его окончательно. А потом, потом сказал буквально следующее: «Не кричи гоп, пока не перепрыгнешь! Не исключено, что вся твоя затея с китаезами лопнет по швам и *взорвется* вместе с твоими сраными миллионами!» Простите, но именно так он и сказал: и взорвется, и насчет миллиона, превратившегося у него в миллионы... И добавил, что на месте моего мужа он бы не радовался заранее, а лучше поберег свою шкуру.

– М-да-а-а... – нерешительно протянул Плетнев. – Может, просто сгоряча?

– Ну разумеется! – иронично фыркнула Марина. – И ремонт своей разорившейся лавки он за неделю до Колиной гибели тоже, вероятно, сгоряча затеял?

– Ремонт?

– А вы сходите, посмотрите... Он его уже почти закончил и денег, которые наверняка на это занял у какого-нибудь банка, не пожалел... Словно точно знал, что никаких конкурентов у него больше не будет и дела выправятся.

– Марина Юрьевна, – осторожно заговорил Антон, – всему этому мешает одна, но существенная деталь...

– И какая же именно? – сухо поинтересовалась вдова.

– Убить вашего мужа было, простите меня, гораздо проще в другом месте и в другое время, вместо того чтобы устраивать бойню в цехе, уложив там больше десятка человек...

– Вы не знаете еще кое-чего, – возразила Марина. – А я знаю точно, что Гамза два месяца назад пытался сам и на тех же условиях стать партнером Чжана. Только опять же в долг, за процент от будущих, наверняка мифических доходов. И Чжан ему, разумеется, отказал, он всегда работает... работал только за наличные... Анатолий к тому же знал, что все деньги Коли вложены в это предприятие... все!

– Неужели Гамза такой... такой кровожадный? Ведь речь все-таки шла о его школьном друге, я слышал, они дружили чуть ли не со второго класса...

– Какая сейчас дружба, когда речь идет о деньгах? – В голосе вдовы звучала явная издевка над наивным оперативником. – Смеетесь... А насчет кровожадности, так ведь не своими же руками он это проделал, а руками наемных бандитов наверняка.

– Возможно, бандиты перестарались? – Плетнев явно решил подыграть Марине, продолжая демонстрировать свою «наивность». – Ведь и такой вариант имеет право на существование: заказ поступил на Чжана с его цехом, никакой гарантии того, что ваш муж в момент налета будет там, не было...

– Коля ездил туда каждый вечер в одно и то же время, он сам хотел контролировать процесс, ведь деньги туда были вложены его, а не Чжана! Разве это так трудно – проследить распорядок дня делового человека? Он отправлялся к китайцам всегда в одно и то же время, к открытию этой проклятой мастерской...

– Вы уверены, что ваш муж успел к моменту гибели передать хозяину цеха всю оговоренную сумму?

Марина немного помолчала, прежде чем ответить:

– Вообще-то не уверена... Коля посвящал меня отнюдь не во все детали... Но это легко выяснить! Деньги мы держим в банке, счет оформлен на нас двоих...

– У меня к вам последний вопрос: понимаю, что на поминках вы были в шоке... Но, возможно, обратили внимание вот на этого молодого человека. – Послышалось легкое движение, видимо, Плетнев протянул ей снимок. – Вот этот, стриженный налысо?

На сей раз пауза длилась дольше, Марина, видимо вглядываясь в очередной предложенный Плетневым снимок, о чем-то задумалась.

– Да, я была в шоке... – она снова помолчала. – Но парня этого помню... Как он забрел к нам, не знаю, там были только свои... Все смотрели на него так, словно впервые видели. Ничего не могу сказать об остальных, но Дарья Андреевна его знала. Это точно!

– Дарья Андреевна? Это которая?

– Вот, в черной шляпке с вуалью, дамочка с самомнением...

– Тоже одноклассница вашего мужа, если не ошибаюсь?

– На поминках были только одноклассники.

– А почему вы решили, что она этого типа знает?

– Когда он вышел, она встала и тоже вышла в прихожую, а у меня как раз дочка заплакала. Получилось, что и я встала вслед за ней... Ну и когда проходила мимо, услышала, как она его называла по имени. Только не могу припомнить, как именно... Погодите, сейчас попробую... А что, вы думаете, будто Дарья имеет отношение? Глупости! Она в моего мужа была влюблена, как... как старая кошка! Ей уж если кого и убивать, так это меня, а не Колю!

– Она у вас что же, так часто бывала?

– При мне два раза... Но тут бы и одного хватило, чтобы понять... – Марина вновь заговорила снисходительно. – Поймите, женщины, в отличие от мужчин, такие вещи просекают с полувзгляда... А меня она терпеть не могла, хотя вида не подавала... Во всяком случае, Коля в это не верил, отмахивался... Стойте, я вспомнила! Имя у парня странное, потому и вспомнила! Дэн... Она его Дэном назвала... Небось юный любовник этой леди, ничего другого на ум не приходит, уж извините... Сейчас это модно: ей шестьдесят с хвостиком, а ему двадцать... Ох, погодите-ка...

Она снова умолкла, и пауза на этот раз показалась Турецкому напряженной.

– Вот черт... – неожиданно чертыхнулась вдова. – Ведь не зря же мне тогда показалось, что я его где-то видела! Теперь знаю точно: один раз он заходил к мужу в магазин одновременно со мной... И никакой он не Дэн, а обыкновенный Денис!

– Когда это было? – быстро спросил Плетнев.

– Очень давно, наверное, не меньше года назад! Поэтому я и забыла и даже на поминках окончательно не вспомнила, меня Дарья этим своим «Дэном» сбивала...

– Вы уверены, что он?

– Уверена! У него подбородок характерный, видите, какая ямка глубокая? А волосы тогда были нормальные, даже длинноватые, это меня тоже сбивало... Точно он, не сомневайтесь! Помню, я тогда еще на эту ямку внимание обратила, показалось, что это след от шрама, а он Машеньке языком пощелкал, чем меня удивил... Мужчины редко на таких крошек внимание обращают.

– Больше вы его не видели?

– Нет, ни разу. На это точно он!

– Вы хорошо знали остальных одноклассников мужа, с которыми он дружил?

– Только Павла Сергеевича Чернобровова, он у нас часто бывал. Замечательно простой человек, дружил с Колей, хотя и известный такой, но с нами был всегда запросто... Я не сомневаюсь, что это он мне деньги передал через Константина Дмитриевича, Коля ведь ему тоже в свое время помогал раскручиваться, давал займы...

– Большую сумму?

– Я не в курсе, знаю только, что помогал... Уж кто-кто, а Павел Сергеевич тут вовсе ни при чем, поверьте! Он, если не считать Дарьи, больше всех горюет по Николаю... Вот у них – точно дружба, и никто меня не переубедит в том, что Гамза убийца! Ничуть не жалею, что выгнала его с поминок: это ж каким наглецом надо быть, чтобы после всего войти в наш дом!..»

На этом месте запись обрывалась – момент прощания с вдовой Плетнев не зафиксировал. Видимо, больше ничего существенного Марина Мальцева ему не сказала: как профессионалу Александр Борисович Антону доверял целиком и полностью.

Турецкий поднялся и задумчиво побрел обратно на кухню, решив выпить чаю.

Ссора между Гамзой и Мальцевым была, видимо, Меркулову неизвестна. Иначе вряд ли бы он передал Марине те деньги... Константин Дмитриевич говорил о них нынче в «Глории», вот только вдова ошибалась в одном: сумма, и довольно крупная, была вручена Марине действительно Меркуловым, но передал ее вовсе не дирижер, а как раз Гамза... Сложенькая картинка, похоже, вырисовывается... Следует взять на заметку и еще одну деталь: Мальцева сказала, что не знает, все ли деньги, полученные от какого-то доходного дельца, провернутого ее мужем, вложены в китайский цех. Успел ли Николай передать Чжану требуемую сумму...

Что, если вдовушка кривит душой, что, если Мальцев вообще ничего не передавал китайцу, а только собирался и она это знала? И в таком случае получается, что под подозрением Марина Мальцева остается в качестве материально заинтересованного лица... Красотка, намного моложе мужа. А любовь и горе изобразить практически любая женщина может на пять с плюсом. Да еще и обвинить очень кстати рассорившегося с супругом его друга, подставив его под подозрение вместо себя. А если подумать, то и на Дашу успела пусть не подозрение, а тень, но бросить...

Александр Борисович автоматически включил чайник, дождался, пока тот закипит, и, почти не глядя, залил пакетик «Липтона» в своей любимой чашке. Судя по всему, в точности такие же мысли, как сейчас у него, пришли по поводу вдовы и Косте. И скорее всего, Меркулов, не устроив Марина на поминках эту истерику, не прогони она Гамзу, тоже считал бы, что Николай просто-напросто попал под раздачу во время разборки внутри китайской диаспоры... Но ему хорошо известно, так же как, впрочем, и Александру Борисовичу, что убийца в стремлении подстраховаться от подозрений частенько вместо этого перестраховывается... Не тот ли у нас случай с красавицей вдовушкой?

Информация по «Триаде», предоставленная ему Максом, сводилась к тому, что Чжан был для китайской мафии, обосновавшейся в Москве, действительно весьма полезным, а следовательно, нужным человеком. Подпольные цеха, открытые им, как ни смешно, при всей своей нелегальности лишь прикрывали основную деятельность своего хозяина, отвечавшего перед «Триадой» за судьбу эмигрантов, за их транспортировку, обустройство и в конечном счете за легализацию... Турецкий успел просмотреть раздобытую Максом информацию в целом, без деталей, но и этого ему хватило, чтобы сообразить: у Чжана, столь успешно продвигавшегося внутри мафии, просто обязаны были иметься враги-завистники, которые, как известно, средств не выбирают. Точно так же должны были рассуждать и представители правоохранительных органов, что и определяло направление следствия.

Итак, вопрос и впрямь упирался, во всяком случае на данном этапе, в Марину Мальцеву. Александр Борисович наметил для себя на завтра два момента: прежде всего, надо озаботить Антона тем, чтобы тот точно выяснил, о какой сумме, якобы вложенной в китайцев Николаем, идет речь. Слово «миллион», мелькнувшее во время беседы с ней, могло быть и фигуральным выражением, а могло и скрывать за собой по-настоящему серьезные бабки.

Во-вторых, следовало отработать вплоть до деталей все-таки эту ситуацию с Гамзой, чтобы не оставлять никаких хвостов. В принципе, помимо странного поведения Марины, было еще одно, совсем крохотное сомнение в том, что история сводится к разборкам внутри диаспоры... Турецкий прекрасно знал, насколько осторожный народ китайцы. Чжан, судя по всему, был еще тем типом, опытным и ловким, да и осторожности ему было не занимать. Врагов и завистников своих наверняка не только знал в лицо, но и глаз с них не спускал, заранее разведывая их планы. Между тем, судя по результату, налет на цех оказался для покойного хозяина полной неожиданностью. То, что Чжан мог не учуять столь серьезную опасность, идущую

от своих же, для тех, кто понимал, что Восток – дело не только тонкое, но и весьма сложное, выглядит неправдоподобным... Однако, как известно, и на старуху бывает проруха. Так что это соображение можно было принимать во внимание только вкупе с более серьезными основаниями.

Что касается китайской осторожности, уж тут-то Александр Борисович Турецкий прав был точно. Во всяком случае, Чонгли, случайно уцелевшего в бойне на окраине Москвы, это касалось в полной мере... Прежде чем выползти из узенькой, провонявшей мочой щели, в которой он провёл, как решил сам юный акробат, самый ужасный день своей жизни, он дождался полуночи: тьма была сейчас его спасением. Под ее покровом, спустя сутки после расстрела и пожара в цехе, паренек, совсем недавно попавший в Россию по каналам, отлаженным Чжаном, взявшим его на первое время к себе на работу, несколько часов подряд незаметной тенью, путанными московскими дворами пробирался в сторону центра.

Вел его исключительно инстинкт, а не знание столичной топографии. Стремление загнанного зверька затеряться в стае... То бишь в толпе. Голод он удовлетворял, по примеру здешних бомжей, роясь тайком и от них тоже в помойках. И несмотря на обуявший его ужас, успевал удивляться, как много совсем хороших и вкусных продуктов выбрасывают русские. Ему повезло даже на почти полную двухлитровую бутылку с минералкой – правда, какой-то разгильдяй оставил ее на скамье попавшегося Чонгли на пути сквера, а не выкинул, например, в урну. Но уж точно – повезло! Ведь жажда, как известно, куда хуже голода.

Двадцатилетний парнишка, выглядящий, правда, как подросток в своей ветровке с капюшоном, собирался добраться таким образом до вполне конкретного места, надеясь, что, стоит ему дошагать до единственного знакомого пока что здесь района, в котором стоит памятник известному русскому поэту, дальше он дорогу найдет. Даже если шагать при этом придется еще трое суток... Но пока что до памятника явно было далеко... Чонгли пристально огляделся и, увидев через неширокую улицу что-то вроде очередного сквера, нерешительно отодвинулся от длинного забора, прижимаясь к которому шел, и перебежал дорогу.

Сердце его колотилось от страха чуть ли не в ушах: Чонгли ни секунды не сомневался в том, что бойню, которой он так счастливо избежал, устроили русские бандиты. И пока они не получили по заслугам от всемогущей «Триады», попадаться на глаза даже случайным прохожим опасно: слишком недалеко он сумел пока что отойти от бывшего цеха, если его углядят бандюки, могут вычислить, что он – единственный, кто спасся от их автоматов и огня... Просто убьют на всякий случай, поскольку других китайцев, кроме Чжана и его работников, в этом районе не было. Хозяин сам об этом говорил, объясняя своим людям, почему им лучше лишний раз не светиться днем на улицах: есть в Москве такие типы, которые всех приезжих не любят...

Впрочем, никто особо и не рвался на прогулки, днем работники отсыпались от ночной смены, а еду им привозил помощник Чжана.

Чонгли в этом отношении был исключением: он-то как раз на прогулки рвался, но у парнишки были на то свои причины. Он даже карту Москвы раздобыл, правда случайно, – валялась, никому не нужная, возле все той же помойки во дворе сгоревшего теперь цеха. Ах, как бы она ему сейчас пригодилась!

А что касается причины, по которой он собирался ею воспользоваться, то и в сквер, увиденный на другой стороне улицы, привела его она же.

Углубившись в мокрый от моросящего дождя кустарник, Чонгли опустил обе руки в карманы, и на его бледном, осунувшемся за прошедшие сутки лице промелькнула улыбка. В одном из карманов он нащупал маленький округлый предмет – какое счастье, что не расставался с ним всю последнюю неделю ни на минуту! Во втором помимо трех измятых российских десятирублевков (все, что осталось от жалкой зарплаты, полученной у Чжана за неделю работы)

лежала вещь, поистине для него сейчас бесценная... Подаренный на прощание отцом, только что вернувшимся с российских цирковых гастролей, старенький мобильник... Только бы он не разрядился окончательно! Отец не был щедр. Просто телефон, неизвестно как попавший ему в руки, работал, как выяснилось, только в России и в Китае был ему ни к чему. Не было какого-то малопонятного Чонгли роуминга. И слава богу! Иначе бы такая дорогая вещь, пусть и в столь потрепанном виде, не досталась ему никогда.

Как ни странно, аппарат работал. После того как Чонгли дрожащими от утомления пальцами набрал нужный номер, в трубке раздался гудок. Потом еще один... третий... четвертый...

И лишь после пятого гудка послышался наконец нежный девичий голос, о котором парень молил Бога:

– Да?

Он тяжело сглотнул, с ужасом обнаружив, что не в состоянии заговорить после столь длительного молчания, но все-таки успел пересилить себя.

– Лянь... – выдохнул он. – Лянь...

– Кто это?! – Девушка тоже перешла на китайский.

– Лянь, милая, это я – Чонгли... Я жив!

5

Модельное агентство «Круиз», принадлежавшее Лидии Клименко, располагалось, как выяснил Агеев, обративший внимание на этот факт, по тому же адресу, что и продюсерский центр ее супруга. Заново отремонтированный двухэтажный особнячок позапрошлого века формально арендовался на паях несколькими продюсерами. Фактически же здесь царил исключительно Шилов. Помимо его личного кабинета, как выяснил Агеев, там находилась прекрасная, оснащенная самой современной аппаратурой студия звукозаписи, небольшой зальчик для прослушивания претендентов в «звезды» и несколько репетиционных комнат.

Текучкой занимались трое-четверо сотрудников, сам Шилов работал исключительно с теми, кого считал по-настоящему перспективными артистами.

Что касается его супруги и ее моделек, в отличие от снабженного заметной издалека табличкой и прекрасно оформленного под старину входа в центр, разумеется охраняемого здоровенным парнем в традиционном камуфляже, дверь в «Круиз» находилась с другой стороны особняка, выглядела непритязательно, и, к Галиному удивлению, никаких охранников там не просматривалось. Похоже, внутри дома две фирмы между собой не общались.

Ее предположение подтвердилось почти сразу после того, как Романова, приоткрыв узкую дверь с неприметной серой дощечкой, на которой без пояснений красовалось только название агентства, попала в маленький полутемный «предбанник» с тремя ступенями, ведущими в неширокий коридор. По сторонам его располагались двери: одна справа и две слева. Ближайшая к Гале была приоткрыта, и оттуда доносились голоса – мужской и женский.

– Уж ты постарайся, Лида, – рокотал довольно густой бас. – Лучше, чем ты, эту бабеху не оденет никто!

– Меня смущают сроки, – вздохнула женщина. – К тому же с ее-то так называемой фигурой эта твоя Далила могла бы быть и не столь разборчивой...

– Стерва капризная... – легко подтвердил ее собеседник. – Но тебе и твоему вкусу она как раз доверяет.

– Моему вкусу все доверяют, стервы в том числе... Дело не в этом. Сейчас я могу предложить ей две... Ну от силы три модели! А она, если ты помнишь, из тех, кто обожает перебирать по десятку вариантов, топая при этом ножками... Когда, говоришь, у нее сольник?

– Через неделю ровно. Уверен, если ты и твои девочки постараетесь, успеете все сделать вовремя...

– Ну хорошо, – сдалась женщина. – Только давай, Иван, подождем до вечера, пускай приходит часам к восьми. Я до тех пор свяжусь с Игуменовым. Он только что продемонстрировал совсем неплохую коллекцию, в ней штук пять концертных платьев и несколько вечерних имеются. Мои девочки сумеют их хорошо подать... Только учти: выбрать ей придется именно сегодня, на шитье, примерки и подгонки уйдет как раз неделя, и это в случае, если я освобожу минимум двух мастериц.

– Игуменов за свои лекала дерет так, что...

– Ничего не поделаешь! – оборвала его дама. – Они того стоят, уж поверь... Сколько, говоришь, платьев ей понадобится?

– Два! Сольник из двух отделений... Возможно, и три.

– Три – исключено! Ты же не собираешься на ее костюмах пролетать, как фанера над Парижем? Лично я не уверена, что сольный концерт отобьет стоимость ее нарядов.

– Ничего, – уверенно возразил мужчина, – сразу же начнутся гастролы, впендюрим ей дополнительный концерт и покроем расходы... Но, что бы ты ни говорила, а Игуменов дерет за свои лекала безбожно!

– Ваня, ты никак не научишься смотреть на наш бизнес объективно, – вздохнула женщина. – «Дерет» он столько, сколько они стоят, просто ты привык, что, когда идут мои модели, платить приходится только за материал... Сейчас у тебя просто нештатная ситуация, но сам же говоришь, отобьете за счет гастролей.

– Уж я ее погоняю! – мстительно произнес мужчина. Галя не сомневалась, что это был Шилов и слышит она разговор супругов. – Ладно, Лидочка, связывайся со своим Игуменовым, мне пора... Ты как – получше?

За дверью возникла пауза, потом легкий вздох.

– Получше мне будет только тогда, когда найдут папиного убийцу.

– Ты, я вижу, по-прежнему уверена?...

– Иван, оставим этот разговор! – резко оборвала его Лидия Ильинична. – Ты говорил, тебе пора...

На этом месте Галя Романова сочла за благо выскользнуть на улицу, и к тому моменту, как Шилов, оказавшийся лысым толстяком с настороженными черными, маленькими, словно смородинки, глазами, вышел из дверей «Круза», девушка с растерянным видом стояла перед неприметной табличкой, вглядываясь в нее, и даже вздрогнула «от неожиданности» при появлении супруга Клименко.

Тот моментально впился в Романову цепким, недобрый взглядом:

– Вы к кому? – Поздороваться с ней он не считал нужным.

– А это – модельное агентство? – просительно пролепетала Галя.

– Именно. И что из этого следует?

Он насмешливо окинул ладненькую, но невысокую Романову быстрым оценивающим взглядом.

– Я ищу работу швеи, – поспешно произнесла та. – Я очень хорошо шью... У нас на фабрике так мало платят...

– Ах, швеи? – Шилов слегка запнулся, и Галочка подумала, что ее импровизация, подслушанная разговором, должна сработать. Она и сработала, правда, не сразу: Иван Кузьмич явно страдал хроническим недоверием к окружающим.

– А почему вы ищите работу именно здесь? – Он прищурился, уставившись на девушку в упор.

– Я подумала, что в модельных агентствах должны хорошо платить... – залепетала она. – Я... Я выписала из Интернета адреса и...

– Ясно! – Шилов вдруг потерял к ней интерес и, пожав плечами, шагнул в сторону, освобождая проход. – Поговорите с хозяйкой, возможно, ей действительно нужны швеи, но вряд ли на постоянную работу...

– Я бы и подработать не отказалась...

Но Иван Кузьмич уже шел по заасфальтированной дорожке, окружавшей особняк и соединяющей оба его входа, не слушая ее и вообще не обращая никакого внимания. Мысленно перекрестившись (этот мужик ей не просто не понравился, Галочка чувствовала какую-то неясную, исходящую от него опасность), девушка поспешно открыла двери и проскользнула вовнутрь. Однако пообщаться с хозяйкой модельного агентства лично, как она намеревалась, капитану Романовой сегодня было не суждено: такой уж выпал день! Впрочем, как оказалось на поверку, далеко не самый неудачный.

Стоило Гале занести ногу на одну из трех ступеней, как послышался прямо-таки оглушительный визг: «И черт с тобой, пошла ты на х...» – и на Романову свалилось нечто длинное, разноцветное, напоминающее торнадо... Инстинктивно вытянув руки вперед, она невольно подхватила налетевшее на нее явление природы, оказавшееся на ощупь удивительно колючим... И не сразу сообразила, что крепко держит в объятиях неправдоподобно длинную и худую

девицу, разъяренно брызгающую слюной, вместе с которой из той вылетала матерщина... Если бы не Галя, девица бы точно свалилась, не удержавшись на ногах.

Впрочем, никакой благодарности за спасение она к Романовой не испытывала, скорее, наоборот, с полуоборота переключившись в своей ярости на Галочку. Однако выбить капитана Романову из колеи в процессе выполнения задания, каким бы сложным оно ни было, пока еще никому не удавалось! Переждав несколько секунд – ровно до момента, когда сквернословие девчонки, оказавшейся удивительно рыжей, иссякло и перешло в обыкновенные рыдания, Галя осторожно выпустила ту из рук и вывела на улицу.

– Успокойся, – сказала она как можно ласковее. – Что бы у тебя ни случилось, как сказал один мудрец, и это пройдет...

– Да?! – Девица вновь завелась. – Да кто ты такая, чтоб ко мне тут вязаться?! Как же, пройдет... Эта гадина теперь всех обзвонит, всем скажет... Меня никуда не возьмут!

И, вновь расплакавшись, на этот раз потише, она отвернулась от Гали и совершенно по-детски уткнулась лицом в свежесмытую стену особняка. Романовой сделалось жаль скандалистку и плаксу по-настоящему. Оглядевшись и заметив в глубине довольно зеленого и уютного двора пустую детскую площадку со скамейками, она решительно отклеила рыдающую незнакомку от стены и повлекла в ту сторону. Хорошо, что ветер разогнал наконец тучи и хоть ненадолго, но выглянуло солнце. Да и деревья, несмотря на конец сентября, почему-то в нынешнем году не спешили сбрасывать листву.

– Пойдем туда, там нас никто не увидит, – проворковала Галочка. – Кто бы тебя ни обидел, нечего радовать его еще и слезами!

– Обидел? – Девчонка, не слишком упираясь, все-таки подчинилась Романовой и пошла за ней, как коза на веревочке. – Это называется «обидел»? Да она меня куска хлеба лишила! Навсегда!

– Может, ты преувеличиваешь? – осторожно возразила Галя, помогая неожиданной собеседнице опуститься на скамью.

– Ну да, если бы... Я ж говорю, теперь эта стерва всех обзвонит и никто меня больше к подиуму и на версту не подпустит! У-у-у... сука!

Спустя пятнадцать минут Романовой наконец удалось вытянуть из девчонки, отрекомендовавшейся Соней, ее грустную историю. Впрочем, никакой оригинальностью не блещущую.

Стать моделью она, как водится, мечтала чуть ли не с детского садика. Начиная с шестого класса моталась по кастингам по всей столице, но ей, несмотря на подходящий рост, почему-то не везло. И вот только год назад – как выяснилось, Соне было всего шестнадцать, но в модельном бизнесе это почти что много – наконец случился первый успех. Девочку взяли в довольно крупное агентство; прежде чем допустить к подиуму, натаскивали целых два месяца: учили ходить, двигаться, жить по расписанию, не нарушая диету... Она готова была на все, лишь бы овладеть профессией. Даже школу бросила...

Все бы ничего, но условия ее контракта, заключенного на полгода, были рабскими, после вычетов за обучение, не оставалось в смысле денег почти ничего: мать «дармоедку» только что из дома не гнала, поскольку семья у нее бедная, еще двое сестер моложе Сони, а отца нет... Словом, когда оговоренные полгода миновали и появилась возможность зарабатывать чуть больше, тут-то и объявилась Лида-Гнида, как ее, оказывается, звали остальные модельки, с куда лучшим контрактом.

Правда, и она требовала жесткого соблюдения дисциплины и диет, но платила неплохо. Однако предупредила: если хотя бы раз сотрудница попадет на серьезном нарушении условий соглашения, последует немедленное увольнение. Ждать второго раза хозяйка не станет.

– И ты попала? – уверенно спросила Романова.

– Я д-думала, что эта гнида просто пугает... – пробормотала Соня. – Я ж просто так попробовала, для интереса, откуда ж я знала, что мне... что со мной...

Лицо девчонки снова искривилось в плаксивой гримасе. Но Гале все-таки удалось вытянуть из нее грустный финал банальной истории. Конечно, Соня должна была рано или поздно в кого-нибудь влюбиться, возраст такой! Но весь вопрос в том – в кого. Парень в первый же вечер потащил ее на тусовку – во времена Галочкиного шестнадцатилетия это называлось вечеринкой. И под завязку предложил ей понюхать... Никогда в жизни не употреблявшая наркоты, Соня не могла отказать понравившемуся бою, тем более что и дорожка-то была совсем маленькая... Кто ж знал, что ее организм так среагирует?!

Повезло еще, что кто-то, не участвовавший в упомянутом «развлечении», не побоялся вызвать «неотложку»... А когда спустя четыре дня Соня вышла из больницы (это было вчера) и заявила на работу (это было только что, Галя видела!), выяснилось, что она здесь больше не работает, а деньги – почти ползарплаты – платить ей никто не собирается! Мало того, Лида-Гнида назвала ее наркоманкой и предупредила, что сделает все, чтоб об этом узнали Гнидины коллеги!

– Действительно грустная история, – вздохнула Галочка. – Может, тебе, пока все это забудется, в школу вернуться?

Соня бурно запротестовала, и Галя поспешно внесла другое предложение:

– Не может быть, чтоб эта ваша Гнида была такой властной, вряд ли ее все послушают... Ты много о ней знаешь?

– А что о ней знать-то? – вздохнула несколько поутихшая Соня. – У нее муж всем особняком владеет, из певичек всяких разных звезд делает...

В голосе девчонки прозвучала зависть.

– Продюсер, что ли?

– Ну... Важный, говорят, мужик, любовниц куча... А с Гнидой они давно не живут, зато дружат... Работает она на него, за деньги!

– Как это?

– Ну, не то чтобы работает... Но костюмы своим шалавам он у Гниды заказывает, а она с него то ли вообще денег не берет, то ли берет мало, точно не знаю... У него связи серьезные! – совсем по-взрослому вздохнула опять девчонка. – И Лидка ими пользуется на равных с ним... Спелись! Два сапога пара...

Галя задумалась: слова Сони подтверждали те выводы, которые сделала она сама из подслушанного разговора супругов, и те, что сделал в свое время Агеев. Действительно, хорошо налаженное деловое партнерство... Шантажом тут, по крайней мере на первый взгляд, похоже, не пахнет...

Осторожно порасспросив Соню еще минут десять, Романова выяснила, что у Лидии Ильиничны (во всяком случае, по сведениям моделек) по-прежнему никаких «любовей» на стороне не водилось. Зато своего отца она, по словам девчонки, обожала, часто привозила с собой сюда, показывала ему свои модели, разработанные лично ею. Вообще, возилась с ним, как с младенцем каким...

– Старикашка-то как раз ничего был, – признала Соня. – Добрый, на показах цветочки всегда кому-нибудь дарил... Однажды огромную такую коробку шоколадных конфет привез и уговорил Гниду дать нам по одной штуке! Говорят, он чем-то болел, но потом вылез.

– Почему думаешь, что вылез? – рассеянно спросила Галя, думая о своем.

– Он месяца два к нам не появлялся, когда заболел, а потом снова приехал, веселый и здоровый совсем... А через пару недель под машину попал... Лидка с тех пор совсем ведьмой стала!

Посидев еще немного с Соней и поутихав ее, как могла, Галя решила, что сегодня в агентство идти не стоит. А может, и вообще не стоит. Это уж как Александр Борисович решит. Завтра с утра она отправится в «Глорию» и доложится Турецкому: его ведь в первую очередь интересовали отношения супругов. О них она узнала достаточно. Если же понадобится допол-

нительная информация, для драгоценного Сан Борисыча капитан Романова сделает все, что в ее силах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.